

ИСТОРИЧЕСКАЯ

АВАНТЮРА

Владерий Ефиманов

Княжьи мушкетеры

Нам здесь жить

«КРЫЛОВ»

Историческая авантюра (Крылов)

Валерий Елманов

Нам здесь жить

«Крылов»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84Р1-44

Елманов В. И.

Нам здесь жить / В. И. Елманов — «Крылов»,
2017 — (Историческая авантюра (Крылов))

ISBN 978-5-4226-0288-9

Принято считать, что события во времена средневековья протекали медленно. Угодившие в XIV век два российских опера такого бы не сказали – дел водоворот, работы хоть отбавляй. Притом работы по специальности: спасение языческих жрецов можно назвать операцией по освобождению заложников, обучение воинов – подготовкой спецназа ОМОНа, взятие неприятельской крепости – захватом воровской малины. Но главное – впереди. Надо придумать, как добиться объединения всей Руси, как организовать решающую битву с Золотой Ордой на полвека раньше положенного и как провести ее по своим правилам. Вот только кому именно из князей помогать, кого выбрать в «объединители»? Ошибиться нельзя, а определиться с выбором так сложно... Книга рекомендована для чтения лицам старше 16 лет.

УДК 821.161.1

ББК 84Р1-44

ISBN 978-5-4226-0288-9

© Елманов В. И., 2017

© Крылов, 2017

Содержание

Пролог. Загадочное явление	6
Глава 1. Там на неведомых дорожках...	8
Глава 2. Что скрывалось в тумане	13
Глава 3. Как все начиналось	19
Глава 4. Колхоз «Лесная глухомань»	25
Глава 5. Мозговой штурм или Бизнес-план по-русски	30
Глава 6. Вставай, вся Тверь огромная, или Окончательный выбор	38
Глава 7. Подготовка к отъезду	44
Глава 8. Оригинальная благодарность...	47
Глава 9. Двое дерутся – третий не встревай...	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Валерий Елманов

Нам здесь жить

© Елманов В., 2016

© ИК «Крылов», 2017

*Моим милым славным сестрёнкам-кубаночкам из станции
Советской – Надежде, Римме, Евгении и Татьяне – посвящается...*

Пролог. Загадочное явление

Если бы в один из августовских дней 2015 года кто-нибудь оказался близ одного из многочисленных болот, расположенных чуть ли не в самом центре тверского заповедника, он бы глазам своим не поверил, глядя на происходящее. Обычно тихая стоячая вода, поверхность которой густо поросла ряской и прочими плавучими растениями, метрах в ста от берега внезапно закружилась, образовав небольшой, метров десять в ширину, водоворот. Спустя минуту в нем внезапно вздулся гигантский пузырь, ставший к концу своего недолгого существования похожим на купол. Достигнув в высоту нескольких метров, купол непродолжительное время пульсировал, после чего лопнул, издав утробный звук, но спустя минуту из глубины болота на этом же месте стал вырастать другой.

И понеслось-поехало. Пузыри-купола вырастали и лопались один за другим. Как будто болото, подобно человеку, ухитрилось съесть нечто неудобоваримое, и теперь его пучило.

Так длилось примерно полчаса, а затем водоворот принялся раскручиваться, становясь все быстрее и глубже. Однако вместо очередного пузыря оттуда повалил некий белый дым. Равномерно расползающийся во все стороны и густеющий буквально на глазах, дым этот сильно походил на обычный густой туман, отличаясь от последнего разве искорками, посверкивавшими в его гуще тут и там.

Образовавшаяся густая завеса неспешно ползла над черной поверхностью стоячей воды, такой черной и такой жирной, что ее уже нельзя было назвать водой – скорее мерзкой и вонючей гнилой жижей. Скрыв все болото, завеса поползла в сторону росшего на топком берегу чахлого кустарника и корявых, неестественно изогнутых деревьев с трясущимися от страха листочками. Даже чешуйчатая кора на них была противно-серого цвета, напоминая мерзкую плесень неизлечимой болезни. Не прошло и получаса, и весь берег оказался плотно укутан мертвенно белым пледом. И все это время на болоте стояла глубокая тишина. Даже живые существа из числа не успевших удрать, затаились и, не желая привлекать к себе внимания, не издавали ни единого звука, даже когда пелена захватывала кустик или бугорок, подле которого они прятались. Лишь однажды, не сумев сдержать в себе ужаса, подала голос какая-то несчастная лягушка, взывая о помощи, да и то ее истошное «ква» резко оборвалось на середине.

А туман, похожий на дым, продолжал расползаться. Время от времени из его молочной гущи высовывался длинный, в полметра, а то и больше, белоснежный отросток, походивший то ли на щупальце неведомой гигантской твари, то ли на ее язык. Он хищно облизывал тонкие стебли кустов, втягивался обратно в общую массу, и та сразу делала очередной стремительный рывок вперед, поглощая все новые и новые участки пространства.

Случайно оказавшийся там любопытный смельчак, наблюдающий за происходящим, непременно заметил бы и еще один любопытный нюанс: искорок в дыме-тумане было гораздо больше именно там, где особенно неистовствовали щупальца. И еще он мог бы обратить внимание на...

Хотя о чем это я? К этому времени его, как и любого сохранившего мало-мальскую крупицу разума человека, уже давным-давно бы как ветром с берега сдуло. Со всех ног бежал бы он отсюда, ни на что не обращая внимания. Бежал бы опрометью, без оглядки, сломя голову и выжимая из себя скорость, которая сделала бы честь любому спринтеру.

И трусости в этом не было бы. Скорее, благоразумие. Оно, да еще элементарный здравый смысл. Ибо там, где время приобрело свойства пространства, став трехмерным, где уже не действовала ни евклидова геометрия, ни известные науке правила физики, в том числе и квантовой, где в образовавшемся пробое между мирами схлестывались и причудливо переплетались друг с другом галактики и вселенные, человеку делать было нечего.

Впрочем, за два последних десятка лет на болото, еще с войны овеянное недоброй славой, окутанное десятком мрачных легенд более поздних лет, ни один местный вообще не заходил.

Но, чу... В отдалении посреди мрачного безмолвия, за небольшим пригорком, скрывавшим происходящее на болоте, вдруг слышались людские голоса. Навряд ли у загадочного дыма-тумана имелись какие-то органы слуха, но повел он себя так, словно и впрямь их имел, ибо замер на месте, перестав продвигаться вперед и несколько минут как бы выжидал, усыпляя бдительность приближающихся. Лишь когда голоса стали значительно громче и отчетливее, он вновь пополз вперед, принявшись стремительно взбираться на пригорок, с каждой секундой ускоряя свое неумолимое движение...

Глава 1. Там на неведомых дорожках...

Разбуженный другом поутру после грандиозной попойки Петр поморщился, осторожно трогая свою многострадальную голову, из которой, судя по стуку изнутри, отчаянно ломился кто-то неведомый. Сокрушенно разглядев себя в небольшом зеркале, стоящем в прихожей, он уныло подумал, что Дарвин, наверное, прав насчет происхождения людей. Иначе непонятно, почему стоит человеку прилично выпить, как его лицо наутро выглядит столь неприглядно, что рука невольно ищет кирпич. Вывод: атавизм налицо.

– Ну что, Маугли, припух? – осведомился он у своего зеркального двойника и махнул рукой. – Ладно, ладно, молчи. Сам все вижу. Ох, блин! – он помассировал голову, горестно простонав: – Чем упоительней в России вечера, тем утомительней похмелье.

Вообще-то обычно он выглядел превосходно. Такие лица принято называть аристократическими: высокий лоб, тонкий породистый нос, глаза настолько темные, что казались черными. Лишь приглядевшись можно было понять, что на самом деле они карие. Добродушная улыбка демонстрировала не зубы – рекламу дантиста, хоть сейчас в рекламный ролик запускай.

Впрочем, удивляться не приходилось. Метисы – они вообще рождаются пригожими. Что уж тогда говорить о Петре, у которого лишь дед по отцу Виктор Хосе Эммануэль Сангре был чистокровным испанцем, мальчишкой вывезенным в конце тридцатых из республиканской Испании в СССР. Зато у жены Виктора – одесситки Фаи – кого только не имелось в роду. Да и у их невестки, Гали из Прикарпатья, вышедшей замуж за отца Петра Михаила, родичей разных национальностей тоже было предостаточно.

Сам Сангре порою так и говорил о себе: ходячий интернационал, и называл себя и одесским испанцем, и польским украинцем, и всяко разное. Но называл в шутку, а если всерьез, то по примеру отца считал себя исключительно русским и не раз цитировал его слова: «Русский – это не национальность, это судьба».

...Петр еще раз уныло заглянул в зеркало и, вновь передернувшись от увиденного, мрачно сообщил своему отражению:

– Я тебя не знаю, но на всякий случай умою.

– Ну как ты, живой? – сочувственно поинтересовался возникший в дверях комнаты Улан, с которым они сдружились еще во время учебы в академии МВД.

Был он тоже метисом, хотя в его внешности больше проявилась восточная кровь отца-калмыка. Об этом говорили и резко очерченные скулы, и приплюснутый нос, и низкий лоб. Единственное, что ему досталось от русской мамы – неплохой рост (всего-то сантиметров на пять ниже Сангре) и необычный цвет глубоко посаженных глаз: эдакий ярко-синий, с еле заметной прозеленью, отчетливо заметной в те минуты, когда Улан злился. Впрочем, такое происходило весьма редко. Дабы вывести из себя парня, сдержанного по натуре и с малых лет приученного мачехой к терпению, нужно было сильно постараться.

– С трудом, – поморщился Петр, и передернулся, скривившись. – Бр-р, как мы плохо выглядим, особенно... ты. Кстати, за каким лядом тебе понадобилось тревожить мой чуткий сон, столь трепетный и нежный? Между прочим, в такую рань даже выхухоль с нахухолью не размножаются! И когда ты...

– Какую рань?! – перебил Улан, по опыту зная, что его друг, родившийся и проведенный в Одессе первые годы своей жизни, да и позже регулярно приезжавший туда на летние каникулы, может часами рассыпать бисер своих бесчисленных перлов. А потому, если требуется получить ответ на вопрос, то единственный выход – Петра безжалостно прервать. – Уже десять утра, так что полчаса на сборы и по коням. Или мы сегодня к дядьке на кордон не пойдём?

– Ты что?! – возмутился Сангре. – Обязательно пойдем, иначе мне в пять отведенных на тебя суток не уложиться. Только, – он замялся. – Знаешь, похмелье – весьма гадкая болезнь, но имеет одну славную особенность: приятное лечение.

Улан осуждающе крикнул и укоризненно уставился на друга.

– Между прочим, алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве, – торопливо сообщил Петр. – Или ты не веришь, что душа твоего друга жаждет некой микстуры?! Тогда... – Он стал озираться по сторонам, словно ища что-то. Угадав цель его поисков, Улан достал из ящичка аккуратно упакованную в пластмассовый футляр карточную колоду. Увидев ее, Сангре просиял.

– Сохранил... – умиленно расплылся он в широченной улыбке. – А я уж боялся, что... Хотя да, ты человек обязательный. – Он торопливо извлек колоду из футляра и, потасовав, протянул ее другу. – Давай, тащи.

Улан улыбнулся, довольно констатируя в душе, что ни на характер, ни на привычки недавнее пребывание его друга в Нижнетагильской спецколонии, где отбывали свой срок работники правоохранительных органов, совершенно не повлияло.

Угодил туда бывший капитан полиции Петр Сангре за то, что оказался не в меру активен и начал слишком глубоко копать. Точнее, копал он вместе со своим закадычным другом капитаном Уланом Булановым, да и подставить их хотели обоих, но, по счастливой случайности, тому удалось выскользнуть из приготовленной ловушки, после чего он принялся спешно выручать из беды друга. Сразу вытащить не вышло, но благодаря стараниям Буланова новоявленный оборотень в погонах получил вместо пяти-шести лет всего один год, да и то с зачетом четырех месяцев, проведенных в СИЗО.

Сам же Улан, едва закончился суд, уволился из органов и написал другу, что ныне, подобно принцу Гаутаме, лежа под сенью дерева Бодхи, то бишь древа мудрости, лечит душевное здоровье у своего дяди в Тверском заповеднике. Если у Петра появится желание его навесить, а заодно понежиться под аналогичным соседним деревом, ибо таковых в заповеднике предостаточно, он ждет его по адресу... Словом, первым делом Сангре после отбытия срока, прикатил к Улану и вчера как раз и состоялась их встреча.

– Ну так чего, давай тащи, – поторопил Петр. – Хоть узнаем, что день грядущий нам готовит. Сам же знаешь, подарок бабы Фаи никогда не лжет.

Вообще-то Сангре, еще в детстве обученный своей бабушкой, традиционными гаданиями занимался редко, считая это женским делом. В основном он ограничивался тем, что вытаскивал из колоды карту или две, от силы три, и озвучивал, что они означают. Не то, чтобы он всерьез верил в подобного рода предсказания. Скорее, это придавало ему толику дополнительной уверенности перед очередной затеей, поскольку он всякий раз исхитрялся трактовать результат в благоприятную для себя сторону.

Совпадало предсказанное с будущим не всегда. Но после того как баба Фая, всегда утверждавшая, что у Петра особый дар, загадочно улыбаясь, подарила ему на двадцатипятилетие новую колоду в пластмассовом футляре, Сангре заметил, что выпадаемый «прогноз» и впрямь всегда сбывается. А припомнив, что при вручении ему было велено обращаться с колодой крайне бережно и упаси бог не потерять, Петр понял, что бабуля сотворила с ними нечто эдакое из богатого арсенала странных штучек, коими «баловалась». И хотя внучок не верил ни в бога ни в черта, но касаясь бабы Фаи был вынужден, пусть и с неохотой, признать, что та и впрямь может нечто эдакое. Да, наука это отрицает, но факты – вещь упрямая, а тут они налицо.

Взять те же карты. Они были настолько правдивы в предсказании грядущего, что даже друг Улан, вообще не веривший в такое, по прошествии времени стал уважительно относиться к их прогнозам. Вот и сейчас он, извлекая из середины колоды первую карту, весьма серьезно спросил:

– И что нам на сей раз уготовила судьба?

– Приятную поездку или отпуск в очаровательном месте, – прокомментировал Петр, держа в руках восьмерку бубен. – Ну-ка, тяни вторую.

Следующей картой оказался бубновый король. Сангре нахмурился.

– А теперь третью, а то я что-то не совсем понял.

Улан пожал плечами, достав червонную семерку. Увидев ее, Петр повеселел и поучительно заметил:

– Я всегда говорил, что в гадании имеется какая-то мистика. Смотри, как точно: веселье, забвение прошлого и глобальная перемена жизни. А какое может быть веселье, если мы покинем сей гостеприимный дом не накатив ни грамма?

– Но не до полного забвенья, – предупредил Улан, напомнив: – Нас вечером застолье на кордоне ждет, не забывай.

Сангре торопливо закивал, давая понять, что он сегодня послушен, как никто...

...Вышли они ближе к полудню. Стоя на опушке леса, Петр, оглянувшись на небольшой, но чертовски уютный домик, в котором они накануне веселились чуть ли не до рассвета, и одобрительно кивнул:

– А молодец твой дядька, классно устроился. Выглядит, как средневековый теремок. Да и внутри так уютно, что не передать словами. Даже полы скрипят как-то... убаюкивающе. Хотя мне вчера ночью и брачный рев самца гамадрила колыбельной показался бы.

– Вот сам ему об этом и скажешь, – хмыкнул Буланов и поторопил друга. – Топай, топай, а то на ужин опоздаем, а он обещал таким мяском угостить, пальчики оближешь.

– Мяско – это хорошо, – одобрил Сангре. – Тогда вперед, – и он, поправив лямку внушительного рюкзака, бодро зашагал дальше, не преминув на ходу поинтересоваться: – Слушай, а что за дрянь ты сюда напихал в таком количестве?

– Пачек пять соли, – пожал плечами Улан, тащивший столь же объемный рюкзак, – килограмма три сахара, хлеба пять буханок, супы пакетные, чай, кофе, ну и по мелочи: приправы разные к шашлычку, перец и прочее, включая патроны. Это ж мы с тобой туда на три дня идем, а дядька сидит на кордоне почти безвылазно до самых заморозков, вот я время от времени его и снабжаю всем необходимым.

– А оружием на кой ляд с ног до головы увешались? – кивнул Петр на нож, висевший на поясе друга. – И карабин вон на плечо закинул, да и мне огромный кинжал зачем-то всучил.

– Карабин для тебя.

– Для меня? – удивился Сангре.

– Ну не с пустыми же руками на охоту идти, – усмехнулся Буланов. – Меня-то ружье на кордоне ждет, у дядьки их два, а тебе этот СКС¹. Его дядьке командир одной из частей подарил. Понятно дело, из списанных, но в полном порядке и бой у него хороший, центральный. Патронов к нему не ахти, пять обойм, но, думаю, тебе полусотни за глаза. К тому же дядьке недавно оптический прицел для него раздобыли. Установить не успел, буквально вчера принесли, но с ним возиться недолго, так что я его с собой захватил. Он тоже в твоём рюкзаке лежит. А ножи... В лесу без них нельзя, мало ли. Ты, кстати, зря свой в рюкзак переложил – лучше поближе держи, как я, на поясе.

– Больно здоровенный, – поморщился Петр. – Он у меня постоянно вперед съезжал, зараза, с явным намерением вмазать по одному деликатному месту. Да и чего днем бояться? А ближе к ночи я его достану.

– Ближе к ночи мы на дядькином кордоне будем, даже раньше, – уточнил Улан. – Вообще-то желательно успеть до сумерек туда добраться. Я, честно говоря, в его угодьях до сих пор

¹ СКС – самозарядный карабин Симонова.

слегка путаюсь – слишком огромные. Если в темноте забредем, куда не следует, то... Словом, лучше не забредать.

– Ну понятно, тебе как лихому джигиту больше по душе бескрайняя степь, лихой конь и чтоб саблю сбоку, – подколов друга Сангре, намекая на его калмыцкую родину, и осведомился: – А что означает «забрести куда не следует»? У вас здесь что, болота с лешими и кики-морами?

– Болот хватает, – подтвердил Буланов. – А что до лесной нечисти, то... Есть тут неподалеку одно недоброе местечко. Там человек вообще может бесследно исчезнуть, и с концами, а наш путь, чтоб ты знал, как раз мимо лежит.

Петр присвистнул.

– Что, настолько все серьезно? – недоверчиво переспросил он.

– Да куда серьезнее, – усмехнулся Улан. – Дядя рассказывал, лет пять назад целая экспедиция ученых пропала. Впрочем, они сами виноваты. Он их трижды предупреждал, что Красный мох – это болото так называется – шутить не любит.

– Красный, потому что болото красивое?

– Потому что... красное, – нехотя буркнул Улан. – Ряска на нем странная. Она ближе к середине лета где-то раз в три-пять лет свой обычный цвет на красный почему-то меняет. Старики говорят, кровью покрывается и кровь человеческую к себе зовет...

– Куда зовет? – нахмурился Петр.

– Туда, – выразительно указал Улан пальцем вниз, – или туда, – и его палец устремился вверх. Покосившись на недоумевающее лицо друга, он пояснил: – В этих краях в Отечественную немцы партизанский отряд накрыли. Он как раз посреди этого болота на островке базировался. Вначале издали долбили, из минометов, а потом добивать пошли. Ну а один из партизан, погибая, проклял эти места и кто-то там наверху его проклятие услышал и исполнил. Словом, в тот же миг островок вглубь опустился, словно его и не было.

– А немцы-каратели?

– И они исчезли, даже те, кто на берегу был. А дальше пошло-поехало: люди пропадать начали, которые в этих местах грибы-ягоды собирали. И главное, несколько лет ничего-ничего, а потом сразу несколько человек. Правда, народ быстро сообразил, перестал там ходить и все. Так что в последние двадцать лет местные туда ни ногой. Ну а этим обалдуям из Москвы поверья аборигенов не указ, вот и... Ах да, – спохватился он. – До них в разные годы еще с десяток человек из числа шизанутых любителей летающих тарелочек сюда заглядывали.

– И что? – не отставал Петр.

– Да ничего хорошего, – нехотя выдавил Улан. – Как приходили, так и возвращались несолоно хлебавши, если... возвращались. – Скривившись, словно от зубной боли, он досадливо отмахнулся, решительно меняя тему. – Да ну его к черту, этот Красный мох! К тому же его от остального леса здоровенный овраг отделяет, так что в любом случае никак не промахе-мся и на болото не забредем.

– Ну и ладушки, – равнодушно согласился Петр и, оглядевшись по сторонам, а затем покосившись на изрядно потемневшее небо, озабоченно спросил: – Слушай, старина, а мы вообще-то верной дорогой идем? А то болотные миазмы все чувствительнее, под ногами хлюпает то и дело, над головой все пасмурнее, а тропы и вовсе не видать.

На самом деле путники шли по относительно сухим островкам, а то и вовсе небольшим возвышенностям, но простиравшиеся со всех сторон болота при встречном ветерке действительно периодически давали о себе знать неприятным запахом чего-то смрадного, гнилого. Это Улан и пояснил другу – мол, когда слева Гладкий мох, впереди – Великосельский мох, позади – Лебединый, то от соответствующих ароматов не скрыться.

– А этот, как его, таинственный Красный мох? – поинтересовался Сангре. – Он-то где? Или мы его уже миновали?

– Да нет, – хмуро отозвался Буланов и неохотно указал на овраг, тянущийся справа от них и притом довольно-таки близко, всего в пятидесяти метрах, пояснив: – Вон, по ту сторону от него, метрах в ста начинается.

– А поближе поглядеть?

– Перебьешься, – последовал жесткий ответ. – Поговорку слышал, про лихо, каковое не стоит будить, пока оно тихо?

– Подумаешь, – пожал плечами Сангре и, насвистывая, направился вслед за ушедшим чуть вперед Уланом, стремившемся побыстрее миновать неприятное место.

Но едва они прошли метров тридцать, как вдруг...

Глава 2. Что скрывалось в тумане

Все началось с сухой увесистой ветви, валявшейся на земле. Нечаянно наступив на один ее конец, Сангре на собственной шкуре ощутил, что такой эффект граблей – второй конец, поднявшись на дыбы, метко звезданул его суком по затылку. От неожиданности он, не удержавшись на ногах, упал и... покатился. Да, да, именно покатился, причем уклон был в сторону оврага, и пришел в себя Петр, оказавшись уже на дне. Был овраг довольно-таки глубокий, метров пять, не меньше, но приземление произошло на редкость удачно – сработала толстая амортизаторная подушка из опавшей листвы.

– И что это было? – спросил Петр себя.

Не получив на сей риторический вопрос никакого ответа, он попытался подняться, но получилось не сразу. Первая попытка оказалась неудачной – резкая боль приземлила Сангре обратно на прелые листья. Он внимательно оглядел левую ногу. Осмотр оказался неутешительным – штанина камуфляжа оказалась бурой от крови, а чуть выше темного пятна в бедре торчала острая щепка. Петр выругался и, скривившись, решительно ухватился за нее и резко дернул, вытаскивая наружу. Кровь полилась сильнее.

В это время сверху зашуршало и на дно оврага сноровисто спустился-скатился Улан.

– Ух, как тебя угораздило! – сочувственно протянул он и начал торопливо расстегивать ремень. Перетянув им ногу друга, дабы остановить кровотечение, он скинул с себя куртку вместе с майкой, спешно раздирая последнюю на полосы. Замотав рану импровизированным бинтом, Буланов мрачно осведомился: – Идти-то сможешь?

Петр осторожно попробовал наступить на раненую ногу, вновь поморщился от резкой боли, но согласно кивнул головой:

– Все равно придется, никуда не денешься, – криво ухмыльнулся он, – а то получится как в некой японской хойке или танке, – и он нараспев произнес:

Сын серого козла жил у старой женщины.

В бамбуковую рощу ушел пастись.

Изменчиво всё в этом мире, вечны лишь рожки да ножки...

– А это ты откуда взял? – удивился Улан. – Вообще-то похоже на нашего серого козлика, только с японским колоритом.

– В самую точку и за козла, и за колорит, – подтвердил Сангре, пояснив: – Я как-то в зоне прихворнул и угодил в местную больничку, а там скучно, сил нет, а из развлечений три книжки, и все со стихами. Одна еще куда ни шло – любимый мною Гумилев. Зато остальные просто ай-яй: одна детская, с Агнией Барто, Чуковским и Заходером, а вторая с японскими виршами. Эти, как их, хокку или танки. Поначалу я, конечно, за Гумилева взялся. Но ты ж знаешь, в мою память стихи, в отличие от иностранных языков, просто вливаются, как вода из труб в бассейн. И после того, как я понял, что половину его стихов могу процитировать дословно, а остальные – почти, взялся за чтение остальных виршей, а дабы извилины в мозгу окончательно не распрямились, от нечего делать каждый день скрещивал между собой² по несколько штук.

Он вздохнул и непроизвольно поморщился, оглядывая крутую, почти отвесную стену оврага, по которой предстояло подниматься. И вновь друг прочитал его невысказанную мысль.

– Здесь и здоровый замучается карабкаться, а с твоей ногой нечего и думать. Деваться некуда, придется лезть на противоположную сторону. Там и стена не такая крутая, да и ухватиться, поднимаясь, есть за что, вон кустики растут, – и Улан сердито добавил, словно оправ-

² Здесь и далее помогал Петру переделывать детские стихи на японский лад Леонид Каганов.

дываясь перед кем-то неведомым: – Авось ненадолго мы. Всего-то метров двести пройти, а там овраг закончится и мы сразу в сторону свернем.

Подъем оказался затяжным. Кусты помогали, но стоило посильнее опереться на раненую ногу, как вспыхивала дикая острая боль. Хорошо, Улан предварительно перенес наверх рюкзаки и СКС, а кроме того он отцепил от карабина ремень и, протянув один конец Петру, тянул за него, всеми силами облегчая другу тяжелое восхождение. Кусая губы и уговаривая себя потерпеть, Сангре наконец-то вскарабкался на гребень и в изнеможении плюхнулся на пружинистую толстую подушку из прошлогодней хвои. Рядом, устало прислонившись спиной к стволу сосны, примостился Буланов, объявивший пятиминутный перекур.

– Теперь до дядьки рукой подать, – успокоил он друга. – Конечно, можно было бы обратно в поселок, но до кордона намного ближе, – он вздохнул, посетовав: – Жаль, что экскурсия по лесу отменяется, но зато нет худа без добра: подольше у меня пробудешь.

– С ума сошел?! – возмутился Сангре. – Ничего не отменяется и пробуду я у тебя ровно столько, сколько запланировал: пять суток и все. А дальше я по-любому укачу в славный город Одессу – я тебе еще вчера об этом говорил.

– Только не пояснил, что за срочность, – проворчал Улан. – К тому же, Одесса хоть и не Донбасс, но и там сейчас творится такое, что...

– Ну да, – подтвердил Петр. – Деликатно говоря, слегка беспокоит, в связи с тем, что мудрые одесситы стали всерьез призадумываться о проведении референдума под красноречивым заголовком: «Не хотим быть пациентами сумасшедшего дома под названием „Майданутый Киев“». Из-за этого туда в последнее время зачастили доблестные галицкие лыцари, неулыбчивыми лицами напоминающие бойцов гитлерюгенда образца апреля сорок пятого. И какие гадости они учиняют в моем милом городе, то пусть рассказывает Стивен Кинг, бо у меня таки нету слов. А когда они окончательно выяснят, что одесситы не желают иметь с киевскими шлимазлами ничего общего, они неизвестно чего придумают, но что ничего хорошего, за это я таки ручаюсь.

– Да-а, – протянул Буланов и сочувственно покосился на Петра. – Погоди-ка, – встрепнулся он. – Я, конечно, телевизора почти не смотрю, но как-то слышал, что говорил украинский...

– Ой, ну я тебя попрошу! – перебив друга, взмолился Сангре. – Не поминай всуе о... – он задумался и удивленно произнес: – Ты знаешь, в кои веки у меня не хватает словарного запаса, чтоб подобрать нужное слово. Точнее, наоборот: слишком богатый выбор, хотя и однообразный, сплошная нецензурщина. Короче, ни к чему в столь приятном месте, под теплым солнышком, в благоуханно чистом лесу упоминать о всякой погани.

– Не буду.

– И правильно. Не порть природу. Для этого туристы имеются.

– Но ты вчера так и не пояснил, зачем тебе надо ехать в Одессу именно теперь. Не лучше ли немного выждать, а когда...

– Не лучше, – помрачнев, оборвал Петр. – Понимаешь, до меня донесли тревожные вести, что эти шлимазлы из кривоколенного сектора, хай им грець, пытаются мешать моей бабе Фае торговать на Привозе и препятствуют говорить разные речи, а для меня она изо всех родичей после ухода из жизни мамы с папой и деда – самый дорогой в мире человек. Конечно, заткнуть моей бабуле рот – задача как бы не тяжелее строительства египетских пирамид, легче загнать римского папу на молитву в синагогу. Но они ж могут осмелиться применить к моей бесценной старушке физические средства воздействия. Вот я и собрался растолковать этим байстрюкам, шо это они у Киеве и Львие гройсе хухэм³, а в Одессе – еле-еле поцы. Ну а особо

³ На одесском жаргоне гройсе хухем – большие люди, важные личности.

наглым зверькам-прыгунам, рискнувшим распустить свои потные грабки до бабы Фаи, придется срочно заняться коллективной примеркой деревянных макинтошей...

– А почему зверькам-прыгунам? – любопытствовал Буланов.

– До приличных зверей они не доросли, так, мелкие шакалята, – пожал плечами Сангре, – а прыгуны, поскольку без этого им нельзя, ибо хто нэ скачэ, тот москаль.

– Ну хорошо, – согласился Улан, – от меня ты поедешь защищать бабу Фаю. Но не вечно же будешь подле нее сидеть? А как ты смотришь, чтобы потом взять и перебраться вместе с нею сюда? Лес, знаешь, он душу лечит. Точно, точно, на себе ощутил.

Петр саркастически хмыкнул:

– Баба Фая и Одесса – неразрывное целое. А что за меня, то... Мысль, конечно, неплохая. Открыть себе секс-шоп в деревне Гадюкино и торговать всем помаленьку. Ну там резиновыми вилами, переносными сеновалами, презервативами со вкусом картошки, надувными председателями колхозов и прочими дарами природы. Но есть одно но... – он поморщился и честно признался. – Боюсь, не выдержит моя буйная натура гнетущей невостремленности и через годик-другой винные лечебные припарки для души перерастут в кувалду для печени. И вообще, давай-ка об этом попозже поговорим. Вот прогуляюсь на костылях по лесу, кабана в пятак чмокну, медведю лапу пожму, лося за рога подергаю, с птицами почирикаю, со змеями пошиплю, тогда и надумаю чего-нибудь, а пока... – он беззаботно махнул рукой и предложил: – Ну что, в путь?

– Ага, сейчас, только лямки на рюкзаке подтяну, – откликнулся Улан.

Сангре кивнул, неторопливо, стараясь не потревожить раненую ногу, поднялся и... оторопел, глядя на происходящее вокруг них. Как оказалось, за недолгое время «перекура» обстановка существенно изменилась. Густая молочная пелена, приползшая от болота, пока еще не добралась до друзей, но клубилась всего в пяти метрах от них. Из-за торчащих из нее во все стороны белесых языков, напоминавших щупальца, она походила на некое загадочное существо. Притом судя по искрам, тут и там поблескивавшим на поверхности белого полотна, существо, заряженное электричеством.

Присвистнув, Петр поинтересовался у друга, замершего рядом:

– Слушай, это не пожар случайно? Хотя, – он принялся и удивленно протянул: – Странно, гари не чую. Если бы не клубы дыма с искрами, подумал бы, что это туман.

– Это и есть... туман, – упавшим голосом подтвердил Улан, хмуро взиравший на происходящее.

– Станный какой-то, – усомнился Сангре.

– Станный, – мрачно согласился Буланов. – Можно сказать, уникальный. Я ж тебе не до конца про красную ряску рассказал. Она в болоте, по словам дядьки, появляется именно перед появлением такого тумана, с клубами и искорками. Словом, нам... – он зло сплюнул, – здорово повезло. Кстати, пропавшие ученые того...

– Что того?

– Ну-у, довели их местные до тумана, они в него зашли и с концами. А удалось им добраться до самого болота или нет – кто знает. Дядька, к примеру, считает, что Красный мох вообще ни при чем, а экспедицию сам туман сожрал, точнее... то, что в нем скрывается.

– Страсти-то какие рассказываешь, – притворно охнул Петр. – Прямо тебе фильм ужасов, – и он, закатив глаза и устремив руку вперед, с нарочитым подвыванием процитировал:

Меж ветвей раскидистых платана

Притаился безобразный пар

Стон земли несётся из тумана

Стон земли, больной от диких чар⁴.

⁴ Н. Гумилев, «Император».

– Тебе все смешочки, – упрекнул Улан.

– А чего тревожиться-то? – пожал плечами Петр. – Мы ж не ученые, на рожон не полезем. Туман твой сам по себе, мы сами по себе, и пересекаться ни с ним, ни с болотом не собираемся. Краем пройдем и всего делов.

– Если бы ты слышал столько, сколько мне дядька про эти места понарасказывал, тоже встревожился бы, – смущенно проворчал Буланов, чуточку успокоенный хладнокровными рассуждениями друга. – Смотри, смотри, он, гад, все ближе подползает, – и он неуверенно предложил: – Может, обратно в овраг и на ту сторону, а?

– С моей ногой нипочем не успеть.

Густая молочная пелена и впрямь успела изрядно подкрасться к друзьям, находясь теперь буквально в метре перед ними, а языки, чем-то напоминающие щупальца, продолжали упрямо высовываться вперед. Правда, вреда от них не было. В этом Сангре убедился, не успев вовремя отдернуть раненую ногу от особо любопытного. А в следующую минуту отбрыкиваться стало бесполезно, щупальцев было слишком много.

Улан зло выругался. Сангре удивленно оглянулся на него. Учítывая обычную сдержанность друга, трехэтажный мат весьма красноречиво говорил о том, насколько тот взволнован.

– Да не дрейфь, у тебя ж карабин, – ободрил Петр и, вспомнив Гоголя, добавил: – А против нечистой силы и выходцев с того света у меня крест имеется, – и он извлек из-за пазухи небольшой крестик на черном шнурке. – Мамочкин. Намоленный. Стоит его какому-нибудь упырю в морду сунуть, как он вмиг расчихается, далее рвотные спазмы, конвульсии, а тут и мы с осиновым колом в качестве презента на добрую долгую память. А кроме того, нам деваться некуда.

– Деваться и впрямь некуда, – нехотя согласился Улан. – Но давай хотя бы держаться строго вдоль оврага, чтобы не приближаться к болоту.

Он мрачно дослал патрон в патронник. Покосившись на снятый с карабина ремень Улан чуть поколебался, но после недолгого раздумья не стал цеплять его обратно, оставив в руке – мало ли. Оглянувшись по сторонам, он поднял с земли внушительного вида жердь, сунув ее другу, подставил плечо, чтобы было на что опереться с другой стороны и оба медленно двинулись вперед, стараясь держаться рядом с краем оврага.

Однако дым-туман продолжал надвигаться и вскоре друзья оказались внутри плотной белой пелены. Видимость в ней была не сказать чтоб вовсе нулевая, но дальше полуметра разглядеть впереди ничего не получалось. Приходилось постоянно проверять жердью, здесь ли овраг, чтоб и не отходить от него далеко, и не загреметь вниз. Да и само движение составляло немалый труд – на них словно вывалили сверху центнеры чего-то неимоверно тяжелого, и каждый шаг стоил огромных усилий.

К тому же Петра изрядно мучило. Противная тошнота подступала чуть ли не к самому горлу и складывалось впечатление, будто все его органы лихорадочно меняются местами: внутри все вздувалось, хрустело, лопалось, разрывалось на клочки и вновь срасталось. Подумалось, что это из-за ранения, но, вскользь бросив взгляд на Улана, подметил на его лице обильно выступившие бисеринки пота и пришел к выводу, что тому приходится не слаще.

Искры вокруг мелькали все чаще и чаще, притом в угрожающей близости от их лиц. И вдруг последовала яркая вспышка, сопровождаемая оглушительным хлопком. Отпрянув, друзья переглянулись.

– Ничего, ничего, – ободрил друга Улан. – Нам уже совсем немного осталось продержаться. Метров через сто овраг закончится и мы свернем в сторону, подальше отсюда, а там еще с километр и дядькина охотничья избушка. К тому же и туман, как я посмотрю, начинает рассеиваться.

Петр оглянулся по сторонам и молча кивнул, соглашаясь. Конечно, видимость пока все равно оставалась ни к черту, но конец их двухметровой жерди уже смутно различим. Само-

чувствие тоже улучшилось: незримая тяжесть свалилась с их плеч, да и тошнота полностью исчезла. Складывалось впечатление, что основные неприятности позади.

Он прищурился: впереди перед ними небольшим холмиком маячило нечто темное и мягкое. Протянув жердь вперед, Петр осторожно ткнул ею в холмик и недоуменно прокомментировал:

– Куча какая-то мягкая. Муравейник что ли?

– Здесь их не бывает, – отозвался Буланов. – Возле этого болота и птиц редко кто видел, и даже...

Договорить он не успел, поскольку Сангре еще раз ткнул жердью в кучу и та, еле видимая в пепельно-белом тумане, вдруг зашевелилась, недовольно заворчала и стала вырастать ввысь, превратившись в здорового медведя. Поднявшись во весь рост, он недобро рывкнул и хищно подавшись вперед, злобно оскалится, демонстрируя здоровенные клыки и обдавая друзей зловонным дыханием. Оба мгновенно, как по команде, шарахнулись назад, полетев на землю.

«А ведь мне и подняться не успеть, – как-то отстраненно подумал Петр. – Да и в любом случае со своей ногой от косолапого не удрать».

– Улан, беги! – отчаянно крикнул он поднимающемуся с земли другу. – Беги через овраг, я задержу!

Медведь тем временем угрожающе поднялся во весь рост, явно намереваясь наброситься на него. Сангре рывкнул в ответ, пытаясь показать, что он его не боится. Получилось плохо. Во всяком случае, топтыгина убедить не удалось. Тот торжествующе взревел и ринулся на лежащую добычу. Петр попытался увернуться, перекатившись в сторону, и чуть не взвыл от боли в ноге. Взревел и медведь. Правда, на сей раз в его рыке оказалось куда меньше торжества – скорее боль и ярость.

Петр оглянулся. Успевший вскочить на ноги Улан стоял, крепко держа в руках ту самую жердь, которой Сангре прощупывал дорогу и выронил при падении. Одним ее концом Буланов, словно копьем, упирался в топтыгина. Судя по яростному рыку, издаваемому медведем, острие «копья» уже вошло в его тело, но косолапый, угрожающе растопырив лапы, продолжал упрямо ломиться вперед, пытаясь схватить и порвать на клочки жалкое двуногое существо, осмелившееся причинить ему боль.

Петр торопливо оглянулся, высматривая карабин, выпущенный Уланом из рук во время падения, но не увидел его. Сангре даже застонал, расстроившись – СКС сейчас пришелся бы ох как кстати – но деваться некуда, следовало обходиться тем, что было.

Стремясь помочь другу, под неистовым напором зверя постепенно пятившемуся назад, он попытался вскочить, но спешка сыграла худую роль – неудачно подвернув раненую ногу, он опять плюхнулся в пружинистую хвойную подушку.

– Дерево, дерево позади! – крикнул Петр другу, вторично пытаясь подняться. – Упрись в него.

Буланов бросил взгляд назад, шагнул чуть в сторону и, норовя на ходу усовершенствовать совет, попытался упереться в ствол самым древком импровизированного копья. Увы, его подвела мокрая от дождя кора. Скользнув по ней, жердь поехала и сорвалась. От неожиданности и сам Улан, потеряв равновесие, растянулся на земле, а медведь, торжествующе зарывчав, через мгновение навалился на него всей своей тушей.

Правда, чувствовалось, что прежних сил лесной хозяин лишился – слишком заторможены были его движения. Да и не мудрено, ибо жердь в руках Улана прошла тело косолапого насквозь, выставив наружу длинный, почти с метр, окровавленный наконечник. Однако медведь не сдавался, и, рыча, из последних сил пытался порвать обидчика.

Времени лезть в рюкзак за ножом не было и, издав интернациональный вопль: «Твою мать!», Петр ринулся на выручку с голыми руками. Впрочем, смертельно раненный топтыгин

и не пытался отмахиваться от Сангре, упрямо спихивавшего его с Буланова, а спустя несколько секунд косолапый затих окончательно.

Высвободив тело Улана из-под огромной туши, Петр с тоской уставился на залитого кровью друга. Припав к его груди, он прислушался. О, радость: сердце билось достаточно отчетливо и ровно. Зато осмотр повреждений привел в уныние. Успел-таки достать медведь Улана своими когтями, притом не в одном месте.

– Ну ни хрена себе, сходили на лесной пикничок, – бормотал Сангре, раздирая на полосы свою майку. Хватило импровизированных бинтов на две повязки. Третью пришлось делать из собственной камуфляжной куртки, попросту обмотав ею живот Буланова.

«А теперь что делать?» – задумался Петр, закончив с перевязками и растерянно оглядываясь по сторонам.

Нет, нет, он хорошо помнил дорогу – почти все время прямо, дурак не заплутает, но возвращаться смысла не имело – далековато. Как там сказал Улан? С километр до кордона осталось. Значит, проще дотянуть туда. Там наверняка найдется аптечка, да и сам дядька должен уметь оказать первую помощь – как-никак егерь.

Но в какую сторону идти? Хотя туман, пока они сражались с медведем, практически рассеялся, сориентироваться не получалось. Мешало... отсутствие оврага. Куда он делся, Петр не понимал. Успели миновать? Тогда он должен оставаться не далее как в двадцати, пускай в тридцати метрах позади, а его не видно вообще. Ну не считать же за овраг хоть и длинную, но мелкую, от силы полметра глубиной, канаву, начинающуюся метрах в пяти от них.

«Ах да, болото, – спохватился он. – Это тоже неплохой ориентир».

Но и его поблизости Сангре не увидел, хотя сосновый лес просматривался не меньше чем на пару сотен метров окрест.

– Ну и хрен с тобой, золотая рыбка. Тогда мы по старинке. – Он задрал голову вверх, принявшись рассуждать. – Та-ак, солнышко справа, а когда мы шли, оно светило...

Сориентировавшись, Сангре тяжело переступил с ноги на ногу и поморщился от боли в ноге. Стало ясно, что нести друга на себе не выйдет. Тогда он исхитрился приспособить ремень карабина так, чтоб можно было тащить Улана волоком. Рюкзаки он, недолго думая, оставил валяться на земле, прихватив, да и то больше в качестве опоры, отыскавшийся карабин.

Подбадривая себя, Петр бормотал на ходу:

Я в весеннем лесу пил кокосовый сок,
С ненаглядным Обамой по веткам скакал,
Что любил – обронил, и банан не сберег,
Был я пьян и азартен и горя не знал...

Первый перерыв он позволил себе спустя час. Тащил бы и дальше, но слишком устал – руки тряслись, а пот ручьем лил по телу, невзирая на то что погода испортилась окончательно и температура была немногим выше нуля. Впрочем, это как раз было ему на руку – хорошо остужало. Да и дождя не было, что тоже радовало.

И все равно приходилось тяжело. Трудно сказать, удалось бы Сангре хоть куда-то добраться, но спустя полчаса он увидел вдаль, в просвете между деревьями, человеческий силуэт. Он прищурился, вглядываясь. Нет, не мерещится. Судя по одежде, силуэт был женский, но ничего страшного. Не одна же она живет в глухомани, значит, сможет привести мужиков.

– Эй, – крикнул он хриплым голосом. – Аллю, красавица!

Та оглянулась, застыла на месте, затем с явной опаской направилась к Петру, но, подойдя поближе и вглядевшись в лицо Улана, вздрогнула и опрометью бросилась бежать прочь. Такого разочарования душа Сангре не выдержала. Ноги его подкосились и он рухнул на землю, теряя сознание.

Глава 3. Как все начиналось

Очнувшись, Улан обнаружил себя лежащим в какой-то избе на лавке и укрытым неприятно пахнущей чем-то кисловатым звериной шкурой. Он осмотрелся и понял, что домик явно не дядькин. Не было у того столь здоровенной печи, причем – вот диво-то! – не имеющей сверху никакой трубы. Ошибка исключалась – верхний край печи вообще не доходил до потолка, точнее... Буланов заморгал глазами, фокусируя зрение. Так и есть, самого потолка тоже не имелось.

Чудеса-а.

Имеющаяся в избе мебель не баловала ни обилием, ни разнообразием форм – здоровенный стол, у стены напротив – грубо сколоченная лавка. Сиденье ее было откинута вверх, и от этого она сильно походила на откидные нары в каком-нибудь районном КПЗ. Впрочем, даже в самом убогом КПЗ Улан никогда не встречал некрашенных нар. Да и таких столов тоже.

Небольшая дверь с легким скрипом отворилась, и в образовавшийся проем, согнувшись в три погибели, с трудом прошел здоровенный бугай. Выпрямившись, он мельком глянул на Улана, но, заметив, что глаза его открыты, радостно пробасил:

– Ну вот и молодцом. А я, признаться, сомневался, выживешь, ай как, уж больно раны у тебя тяжкие были. А ты, вишь, хошь и худой, ан жилистый, сдюжил. Это хорошо. Таперь и домовину⁵ стругать не занадобится.

Улан молчал, продолжая недоуменно разглядывать здоровяка, разряженного, словно для ролевой игры по временам древней Руси. Для вящего сходства со своими предками бугай даже напялил портянки, а на них лапти. Пауза затягивалась. Увалень растерянно потоптался на месте и с явным облегчением вспомнил:

– Да чего я тут. Надо ж побратима твоего известить. То-то обрадуется.

Он нырнул обратно, а через пару минут в избу не вошел – влетел Сангре, одетый, точнее сказать, обряженный в какую-то безрукавку, надетую поверх драной рубахи, безразмерные штаны и в точно такие же лаптях, как и здоровяк.

– Ага, жив басурманин! – радостно завопил он, ринувшись обнимать друга. – Ну ты и спать горазд! – довольно улыбаясь бормотал он. – Я уже ждать замучился, когда ты наконец в себя придешь, татарская твоя морда, – он вдруг осекся, испуганно закрыв ладонью рот, и с непривычной серьезностью произнес: – Я сказал татарская? Вот блин! Слушай, ты меня одергивай.

Как ни был слаб Улан, но от такой просьбы его брови изумленно взметнулись вверх. Было с чего.

...Это потом их отношения перешли в дружбу, а поначалу была вражда. Правда, односторонняя, исключительно со стороны Петра. Началась она с малого – затеянного на абитуре шутивого соревнования по рукопашному бою. Увы, но Сангре, невзирая на свое недавнее десантное прошлое, потерпел позорное фиаско. Трижды узкоглазый соперник валил его на землю, причем делая это до омерзения легко и непринужденно. Возмутила Петра и эдакая снисходительность Улана, когда он, по окончании соревнования, как бы извиняясь с улыбкой развел руками:

– Извини, капитан Блад⁶.

Тогда-то в Сангре и зародилось неприязненное чувство к этому добродушному синеглазому калмыку. Нет, Петр по натуре не был завистливым и не рвался заполучить на свою голову все лавровые венки – хватало заслуженной славы покорителя женских сердец и прозвища Дон

⁵ Гроб (ст. слав.).

⁶ В знаменитом романе Рафаэля Сабатини «Одиссея капитана Блада» главный герой, желая ввести в заблуждение испанцев, иногда представлялся не Питером Бладом, а доном Педро Сангре (слова *sangre* (исп.) и *blood* (англ.) означают одно: кровь).

Жуан Одесский, вскоре сокращенной до короткого Дон. И когда в Академии в первый год учебы организовали официальные соревнования, он, оказавшись с Уланом в одной весовой категории и честно сознавая, что тягаться с ним на равных не выйдет (оказывается, тот служил не просто в десанте, но в разведроте), вовсе отказался от участия в них. И все бы ничего, но по ушам больно резанула ироничная фраза, походя брошенная кем-то из курсантов: «Буланова боишься?» И неприязнь к сокурснику усилилась.

В свое время Петр получил хорошую выучку у бабы Фаи и за словом никогда в карман не лез, но его шутки в основном можно было отнести к разряду юмора, а не сатиры, то бишь были они добродушные и беззлобные. Однако тут в Доне что-то переключилось и его подколки в адрес Улана оказывались в большинстве своем достаточно злыми. Его папу с мамой он не затрагивал, недостатков внешности не касался, но в остальном хлестал беспощадно. А когда он подметил, что его подковырки Улану до одного места, ибо реакция парня на них заключалась в неизменной добродушной улыбке, Петр вовсе озлился и впервые в жизни преступил грань, начав проходиться по его национальности, каковую все время «путал».

Но «Сивка-Бурка», он же «длинный узбек», «потомок Чингисхана» и железного Тимура (отчество Улана было Тамерланович), лишь отшучивался, а порою пытался на полном серьезе пояснить шутнику кое-что из истории. От его деловитых пояснений Петр распалялся еще сильнее, неоднократно проходясь как по имени Улана, величая его то Гусаром, то Драгуном, то Кирасиром, а вскользь и по буддизму, благо, он вообще отрицал все религии – такое уж воспитание.

Но Улан и тут не выходил из себя, не психовал, а хладнокровно пояснял, что его имя ничего общего с армией не имеет, ибо на калмыцком языке означает «красный», а буддизм – самая древняя из мировых религий и по своим заповедям вообще весьма схожа с христианством, разве сам Христос отсутствует.

И надо ж такому случиться, что и на стажировку их отправили вместе. Петр чуть не взвыл, когда об этом узнал, но что делать...

Старому капитану, под чье начало их сунули, было не до молодых стажеров, поскольку дело, что он вел, грозило получить общероссийскую огласку: речь шла об очередном серийном маньяке, и капитан дневал и ночевал в своем кабинете. А куда деваться: на счету изувера было уже четыре жертвы, а день приезда курсантов совпал с обнаружением тела пятой.

– Они ищут, а мы его найдем, – упрямо выпалил Петр на третий день, когда капитан в очередной раз устало отмахнулся от них, поручив перебирать какие-то старые уголовные дела десятилетней давности. В ожидании возражений Петр зло уставился на «нехристя», листавшего здоровенный том какого-то замшелого уголовного дела. Однако их не последовало.

– Само собой, – невозмутимо кивнул тот, продолжая бережно переворачивать пожелтевшие страницы.

– Да брось ты этот талмуд, – возмутился Сангре. – От него нафталином за версту несет! У меня идея получше. Ну-ка сделай внимание, я буду говорить за серьезные вещи.

Улан послушно отложил толстенное уголовное дело, предварительно сделав закладку, и, сложив руки на коленях, безропотно уставился на Сангре, принявшегося излагать свою идею.

– Ну как? – торжествующе осведомился Петр, закончив свой расклад.

Улан почесал в затылке. Увы, но она лишь звучала изумительно, а по сути была настолько фантастической, что реализовать ее на практике нечего и думать. Даже в половинном объеме. И теперь ему предстояла сложнейшая задача: сказать правду, при этом не причинив напарнику смертельной обиды.

– А возражения принимаются? – осторожно осведомился он.

– Но по существу, – предупредил Сангре, – без личных нападок.

«Кто бы говорил», – невольно подумал Улан, но покладисто согласился:

– По существу. Во-первых, как мне кажется у тебя не предусмотрено...

Через пять минут приунывший Петр плюхнулся на старенький раздолбанный диванчик и угрюмо насупился. Было с чего: от его идеи остались одни ошметки. И не подкопаешься – звучало все логично. Но как оказалось, Улан не закончил, а всего-навсего сделал паузу.

– А теперь перейдем к хорошему, – мягко сказал он. – Ты знаешь, мне кажется, в твоём предложении имеется немало мудрого. Например, ты очень верно заметил про...

Спустя еще пять минут Сангре воспрял духом – оказывается, не все у него безнадежно плохо. А кроме того он, мгновенно подметив в уточнениях и дополнениях, внесенных Уланом, ряд недостатков, не без некоторого внутреннего злорадства указал на них. Тот не спорил, безропотно согласившись, но осведомился, как их поправить. Окончательно восторжествовав, капитан Блад принялся выкладывать собственные соображения. На сей раз возразил Улан, но тоже конструктивно, то есть внеся кое-какие коррективы. Словом, пошел, как принято говорить в таких случаях, мозговой штурм, а, с учетом молодости штурмующих, нес он в себе, помимо уймы шелухи и мусора, кое-что интересное.

Вот это интересное они вечером добросовестно изложили капитану. Тот, даже не дослушав их до половины, отмахнулся, сославшись на занятость и велел делать то, что им сказано. И тогда они решили самостоятельно осуществить свой план. Смелые, гласит пословица, города берут. Оказалось, что не только их, но и... Словом, им повезло.

Им, хотя сам Сангре глубоко в душе, скрепя сердце, самокритично признавал: везение это на самом деле на девяносто процентов, если не больше, заключалось в виртуозной работе со свидетелями. А работал с ними в основном Улан, и как блистательно работал! Поначалу Петр возмущался медлительностью своего напарника, напоминая, что козь на самом деле ни один из опрашиваемых не является непосредственным свидетелем преступления, то нечего с ними рассусоливать. Однако Улан оказался непреклонен, и сумел выудить из них столько информации, сколько не смог вытянуть ранее ни один опер или следователь. Разумеется, на 99 % она была бесполезной, но оставался один крохотный процент...

И постепенно неприязнь Петра к нехристю-сарацину начала перерождаться в совсем иное чувство – невольного уважения к нему.

– И как у тебя здорово получается, – невольно вырвалось у него однажды. Улан, смутившись, пояснил:

– На самом деле все очень просто: поначалу требуется не торопясь и не спеша выслушать человека, дать ему возможность поделиться с тобой наболевшими проблемами, а их у каждого навалом. Нужно-то ему всего ничего – капельку участия и крошку сочувствия, но за это внимание он проникнется к тебе самой горячей симпатией и в лепешку расшибется, но припомнит то, что может помочь в расследовании.

...Они вычислили маньяка. По всему раскладу получалось, что это некто гражданин Загоруйко, но расклад – одно, а на деле предъявить подозреваемому было нечего, поскольку дело обстояло из рук вон даже с косвенными уликами, не говоря о прямых. С таким количеством не факт, что руководство даст добро установить за Загоруйко хотя бы наблюдение. Впрочем, может, и даст, но произойдет это не раньше, чем обнаружится седьмой труп (шестой нашли двумя днями ранее). Кроме того, Сангре чертовски хотелось довести начатое до конца, а процесс ожидания мог затянуться не на один месяц.

И тогда он решился, твердо заявив Улану:

– Будем колоть гада на чистосердечное, – и, насупившись, добавил: – А твое ха-ха также уместно, как шашлык из свинины субботним вечером на столе у тети Сары.

– Я не смеялся.

– Но собирался – я же не слепой. И зря. Против моего вдохновения ему ни за что не устоять. Но для начала нам нужно поговорить за серьезный момент и прикинуть, в чем мы уверены наверняка касаясь этого шлимазла.

– А толку? Суду нужны доказательства, а не наши домыслы.

– Суду – да, а этому козлу хватит и наших домыслов. Главное, преподнести их так, чтобы он поверил, будто они – доказательства, а его чистосердечное признание нужно лишь для проформы, и коль он не хочет колотиться, ему же хуже.

– Ты ведь даже допрашивать не имеешь права, – напомнил Улан.

– Тю, – усмехнулся Сангре. – Но за это знаю я, а не он. Зато я могу принять от него собственноручно написанное покаяние.

– Только вначале надо довести человека до того, чтобы он написал. Уверен, что сможешь?

– Ты фильм «Блеф» видел? – вместо ответа спросил Петр. – Ну-у, старенький такой, с Челентано в главной роли. Наивный, конечно, но суть передана верно: ежели сам жулик искренне верит в свой обман, остальные тоже в него поверят. Я Загоруйко не просто доведу до нужной кондиции. Он у меня еще на коленях ползать будет, чтоб я его явку с повинной принять согласился.

– Ну а если он на суде от всего откажется, сославшись на то, что ты его запугал?

– Ой, ну я тебя умоляю – сделай тихо, – перебил поморщившийся Сангре. – Для того нам и надо его чистосердечное признание, чтобы помимо всего прочего узнать, куда он спрятал не найденные трупы пропавших в последние полгода девушек. Уверен, что минимум половина – его жертвы. А если он укажет хоть на одну захоронку, все, выкручиваться бесполезно. И даже наш гуманенький суд признает его виновным.

И столь мощно веяло от напарника уверенностью в сказанном, да что там веяло – разило – что Улан тоже заразился от него убежденностью в успехе и коротко спросил:

– Что с меня?

– Во-первых, ты должен через сослуживцев, соседей и родню выявить его слабые стороны. Срок – вчера. Во-вторых, по ходу моего допроса будешь дежурить в коридоре на подстраховке – чтоб никто не мог войти и помешать, а кроме того есть и в-третьих. Слушай сюда...

Улан расстарался, превзойдя самого себя и раздобыл о Загоруйко кучу информации. Но и Петр выполнил обещание – допрашиваемый спустя пару часов и впрямь в буквальном смысле слова брякнулся перед ним на колени. С ужасом косясь на ржавые клещи, моток проволоки и толстое, плохо оструганное полено в бурых пятнах засохшей крови, он принялся умолять принять явку с повинной, а взамен поместить его непременно в одиночную камеру.

Остальное было делом техники, народу в обезьяннике хватало, нашлось кому копать, так что ближе к ночи не один, а три полуразложившихся трупа пропавших девушек находились в морге, а маньяк сидел в камере СИЗО...

...Об остальных преступлениях, в раскрытии коих они успели принять участие за остаток стажировки, рассказывать не имеет смысла. Да и не в них суть. Главное, каждый четко осознал, в чем силен он, а в чем его товарищ, и при этом оба понимали, что их сила удесатеряется лишь будучи объединенной в единый кулак.

К тому же выяснилось, что и в часы досуга им есть о чем поговорить, да и с дележом девушек не возникало никаких проблем – уж слишком сильно отличался у них вкус в вопросах внешности и фигуры.

«С ума сойти! И как мне выдержать ежедневное лицезрение этой монгольской рожи китайского разлива», – тоскливо размышлял Сангре, трясаясь в вагоне по пути на стажировку.

«Вот чёрт! И чего я на него наезжал?! Парень-то золото!» – недоумевал он, возвращаясь обратно, и прямо в поезде, извинившись перед Уланом за свои подколки, пообещал никогда не проходиться по его имени, тем паче по его национальности или вероисповеданию.

Каково же было его удивление, когда Буланов со своей неизменной добродушной улыбкой незамедлительно освободил его от этого обещания, заметив, что ему было даже забавно слушать и вообще он очень благодарен Петру.

– За что?! – изумился тот.

– Кличку приличную получил, – пояснил Улан. – С твоей легкой руки меня Буддистом прозвали. Не то что раньше, до Академии.

– А раньше как?

Буланов помедлил. Все это время он ждал, когда парень, сидящий напротив него, наконец-то образумится. Ждать пришлось долго, но Улан был терпелив – к этому его приучили с раннего детства. Мачеха, появившаяся, когда ему исполнилось четыре года, спуску пасынку не давала, взвалив на него добрую половину всех домашних дел. Отец понимал, что творится, но, разрываясь между женой и сыном, ничего поделать не мог и грустно уговаривал Улана потерпеть. Ну а в качестве наглядного примера частенько рассказывал о Будде, в том числе и о его пути к совершенству, основанному как раз на терпении. Понимая, что и отцу приходится несладко, мальчик кивал, соглашался и... терпел.

Отец вот уж несколько лет как ушел из жизни, но в памяти оставались его слова и многочисленные рассказы-притчи. Припомнив, что лучше всего зарождающаяся дружба скрепляется доверием, Улан решился и, засучив правый рукав рубашки, оголил руку, продемонстрировав большое родимое пятно возле локтя:

– Только быстро – какие у тебя ассоциации?

– Паука напоминает, – недоуменно ответил Сангре.

– Точно, – согласился Улан. – И остальным тоже. Потому так в детстве и прозвали. А я их терпеть не могу, – и застенчиво попросил: – Но ты никому.

– Сказано в писании, – ухмыльнулся Петр, – не открывай всякому человеку твоего сердца, чтобы он дурно не отблагодарил тебя. Но я не всякий, а посему будь уверен – могила.

– Кстати, давно хотел тебя спросить, – поинтересовался Улан. – Я не раз слышал от тебя цитаты из Библии, да и крестик ты никогда с себя не снимаешь, причем какой-то... – он прищурился, вглядываясь, – необычный, а сам ты вроде не больно-то верующий.

– Это точно, – согласился Петр. – Я как и отец с дедом, считаю, что чем ближе к церкви, тем дальше от бога. А касаясь креста и моих познаний в Библии, – он помялся и решительно махнул рукой. – Ладно, откровенность за откровенность, тайна за тайну. Крестик – последняя память о маме Гале. Он и правда выглядит необычно – и буквы латинские и ноги у Христа одним гвоздем прибиты, а не двумя. Это все потому что он не православный, а униатский. Она ж у меня западэнка, вот и окрестила по-своему у себя на галичине. А знание Библии... Когда маму отморозки на улице зашибли, сумочку отнимая с зарплатой, она через месяц попросила забрать ее из больницы. Мол, все равно помирать, так лучше дома. А я в оставшиеся три месяца у нее сиделкой стал, благо, на дворе каникулы были. Такое вот получилось у меня... последнее лето детства, – он горько усмехнулся. – И все это время я по ее просьбе разные куски из Библии зачитывал. Готовилась она... к иной жизни. А когда с десятков раз одно и то же прочитаешь, поневоле в мозгу что-то отложится, хотя я и... – он осекся, махнул рукой и отвернулся.

Чуть поколебавшись, Улан мягко положил ему руку на плечо и попросил:

– Ты прости, что напомнил. Я ж не знал, – и, горько усмехнувшись, добавил: – А я свою маму вообще не помню – при родах умерла. Да и отца три года назад тоже потерял.

– Ничего себе, – присвистнул Петр, удивляясь, как схожи их судьбы. – Слушай, и у меня тоже отца убили и тоже примерно три года назад, – он замялся и неловко осведомился: – А ты правда на меня не сердишься... ну, за узбека, монгола...

– А также за синего драгуна и зеленого кирасира, – с улыбкой подхватил Буланов. – Конечно, нет. И насчет твоих пробежек по моему буддизму тоже. У тебя все так забавно получается, так что бегай и дальше сколько хочешь.

– Ладно, уговорил, – весело махнул рукой Сангре. – оставлю тебя в прежнем высоком звании сарацина и нехристя. Но с условием.

Улан вопросительно уставился на Петра.

– А условие такое, – торжественно произнес тот. – Все должно быть обоюдно. А то, получается, я на тебя всяко разное, а ты в ответ молчок. Так не годится. А посему, милый желтый жандарм, я тебя умоляю в отношении меня забыть за свою природную вежливость.

– Ты ж знаешь, я практически не матерюсь, – смутился Улан. – Да и вообще предпочитаю ни с кем не ругаться.

– Я и не говорю ругаться, – пояснил Сангре. – Огрызись, пускай полушутливо. А то у нас получается игра в одни ворота.

– Чёрт с тобой, паршивый одессит, – усмехнулся Улан, – ты и мертвого уболтаешь.

– О! – возликовал Петр. – Ведь можешь, когда захочешь. Це дило! Ну, теперь держись, басурманская морда!

– И ты держись, униат поганый, – усмехнулся Улан.

А через каких-то пару месяцев их в Академии звали не иначе, как друзья – не разлей вода...

Глава 4. Колхоз «Лесная глухомань»

...И вот теперь Сангре сам вдруг ни с того, ни с сего напоминает, чтобы Улан его одергивал. Есть чему подивиться.

– С чего это ты вдруг? Решил новую жизнь начать?

– С того, что..., – замялся Петр, но договорить не успел – в этот миг дверь вновь открылась и вошла девушка.

Выглядела она довольно-таки миловидно, но обряжена была в какую-то непонятную мешковатую одежду, выглядевшую еще более чудно, чем та, что на здоровяке или на Сангре. Да и чистотой её наряд не блистал – на сарафане какие-то пятна, а лапти вообще в грязи. Мало того, грязь, как ощутил Улан, явно припахивала чем-то неприятным и как бы не навозом.

– А вот и сестра милосердия, – облегченно заулыбавшись, представил ее Сангре. – Прошу любить и жаловать: Заряница свет Щавелевна.

– Кто?! – удивился Улан.

– Щавелевна, – невозмутимо повторил Петр и... заторопился уходить, пояснив, что лучше им потолковать обо всем как следует попозже, после очередного медицинского обследования. И он, заговорщически приложив палец к губам, торопливо удалился.

Обследование заключалось в стандартной процедуре смены повязок, но говор у сестры милосердия оказался каким-то неправильным.

– Шибко болит али как? Тута не дергает, не можжит? А здесь? А ежели надавлю, чуется?

Порою же она и вовсе употребляла столь архаичные выражения, что Улан понимал их с трудом.

Кстати, бинтов у девушки не было. Так, тряпочки. Правда чистые, пусть и не белые. Таблетки у нее тоже отсутствовали. Во всяком случае, Улана ими попотчевать она не сподобилась. Да и к элементарным требованиям гигиены, судя по посуде для отваров – глиняным закопченным горшкам – она относилась спустя рукава.

Сами настои, коими она принялась потчевать раненого, оказались не очень-то приятными на вкус – горьковатыми, неприятно пахнущими, но Улан не перечил и послушно их выпил. Зато еда, которой его накормили, оказалась весьма и весьма. Томимый лютым голодом, он с огромным аппетитом слопал и пару ломтей душистого теплого хлеба, не иначе как свежего завоза, выхлебал чашку наваристого бульона и просительно уставился на девушку.

– Будя, – проворчала она. – По первости много нельзя – брюхо вспучит.

Настаивать на добавке больной не стал – медицине виднее. Поблагодарил и все. Но его глаза смотрели на нее столь выразительно, что она сама сжалась, отломил кусок от краюхи хлеба и сунула ему.

– На-ка, пощипывай помалу, ежели невтерпеж станет, – и, стоя подле двери, неожиданно осведомилась. – А ты и вправду не татарин?

Улан опешил. То Петр, теперь деваха. С чего это у них всех такой бзик? Но ответил вежливо:

– Я – калмык.

Лицо девушки как-то просветлело, она улыбнулась и почти весело заявила:

– Ладноть, вечером, так и быть, поболе ущицы налью.

«А если б я татарин был, не налила?» – не понял Улан, но уточнять не стал. Подумать о прочих странностях у него тоже не вышло – быстро сморило, и проснулся он только заслышав скрип открывшейся двери. Улан открыл глаза и увидел на пороге Петра.

Только теперь Улан обратил внимание на то, что выглядела не совсем обычно не только одежда его друга, но и он сам. Во всяком случае Улан никогда еще не видел Петра столь серьез-

ным, озабоченным и... слегка смущенным. Даже обычной ироничной усмешки на губах не наблюдалось. С чего бы?

Имелись настораживающие нюансы и в их разговоре. Нет, поначалу все было в порядке – Сангре вновь засыпал Улана вопросами о самочувствии, но едва их запас кончился, как он замялся и, после паузы, явно не зная, что сказать, поинтересовался:

– Как тебе мой прикид? – и он, гордо подбоченившись, одернул на себе потрепанную безрукавку.

– Круто, – оценил Улан. – Судя по всему, раритет.

– Точно, – весело заулыбался Петр. – Лапсердак «а-ля Глеб Жеглов». Отстоял длинную очередь на распродаже вещдоков на Петровке, но не жалею. На спине след от топора самого Горбатого. А если относительно серьезно, то я тут по совместительству в один клуб любителей кузнечного дела устроился. «Куй с нами» называется. Вот и урвал по блату. Штаны тоже достались круче некуда, одни в Одессе. Последний писк моды: галифе наизнанку. Размерчик, правда, слегка подгулял, но зато можно не переодеваясь подрабатывать пугалом на огороде.

Улан кивнул и поинтересовался:

– А мы вообще где находимся?

Сангре мгновенно стушевался, явно придя в затруднение от, казалось бы, вполне безобидного вопроса, почесал в затылке, и, неопределенно покрутив пальцами в воздухе, выдал неуверенно:

– Ну, скажем, в деревне Липневке, в колхозе «Лесная глухомань».

Загадочный ответ друга удивил. Ладно, название. С ним понятно – капитан Блад в очередной раз изгаляется. Но Улан за несколько месяцев проживания в этих краях вообще ничего не слышал ни о каком колхозе. Или Петр имел в виду что-то другое? Об этом он и спросил, заодно уточнив, как они сюда попали.

– Да обычным макаром, – отмахнулся Петр. – Девица, что отсюда сейчас вышла, неподалеку от нас охотничьи ловушки проверяла, вот и... Вначале испугалась, убежала куда-то. Я уж подумал все, труба нам с тобой. А она, оказывается, в деревню за помощью ломанулась – брата приволокла и прочих мужиков. Поначалу, правда, они нас за московских раз... – он осекся и махнул рукой. – Словом, неважно. Позже разобрались и к себе в деревню доставили. Но тут вот такая петрушка получилась... – протянул он, но продолжать не стал и вновь умолк, сосредоточенно разминая в руке хлебную крошку, прихваченную со стола.

– А почему меня в райцентр не отправили? – воспользовавшись паузой, поинтересовался Улан. – Я, конечно, не привереда, но медицина здесь поставлена как-то... допотопно, не находишь?

– Болит? Где? – встревожился Петр.

Улан неопределенно поморщился. Раны действительно болели, но терпимо. Да и боль была эдакая тупая, щадящая. Словом, все в порядке, но... Он вспомнил подозрительного вида повязки, сомнительные настои, хранящиеся в закопченных горшках, и... повторил вопрос насчет райцентра, заодно осведомившись, знает ли о том, что с ними произошло, его дядька.

– Да погоди ты с дядькой, – поморщился Сангре. – Лучше скажи, тебя здесь ничего не смущает? Ну, мебель, сама изба, земляной пол, одежда местного народца, мои лохмотья, в конце концов?

Улан молча кивнул. К сказанному другом он мог бы добавить кучу вещей, отнесенных им самим к странностям, но не посчитал нужным, поэтому отделался одним словом:

– Многое, – и поторопил Петра. – Давай, не тяни. Чувствую же, что какая-то гадость у тебя на языке.

– Гадость, – скупно подтвердил Сангре. – И немалая. Вообще-то мне бы попозже тебе ее выложить, когда ты совсем оклемаешься, но ты ж народу вопросы неправильные начнешь

задавать, и хуже того, сам отвечать неправильно станешь, – и самокритично добавил: – Как я поначалу. Потому и придется просвещать тебя прямо сейчас. Если кратко, то расклад у нас получается хреновый. Судя по всему, мы нарвались своими задницами на клизмы радикальных неприятностей!

– И в какое дерьмо мы с тобой угодили на сей раз? – спросил Улан.

– Увы, старина, – непривычно грустно откликнулся его друг. – За сравнение с тем, что с нами приключилось, дерьмо – это повидло, и влетели мы по самое не балуй. Но вначале, в качестве прелюдии: все, что я тебе сообщу, никакой не розыгрыш, как бы тебе ни хотелось считать иначе. И крыша у меня не поехала. Да и ты и сам небось чувствуешь, что я серьезен, как никогда. А теперь молчи и слушай. – он помедлил и, набрав в грудь побольше воздуха, словно собрался нырять, выпалил: – Думаешь, я почему тебя ни разу татаринком не назвал?...

Уже после третьей фразы Петра Улан, невзирая на слабость, чуть не засмеялся. Да и как иначе? Ну какой здравомыслящий человек поверит, что он попал в прошлое. Причем не на год-два, от этого бы и Улан не отказался – глядишь, подправили бы кое-что в своей жизни – а почти на семьсот лет назад. Некоторое время он сочувственно смотрел на друга, но, наконец, не выдержав, перебил его:

– Ты в своем уме?

– Я и сам поначалу подумал, что того или разыграть меня кто-то пытается, – честно признался Сангре. – Но глазам-то своим еще не научился верить. Смотри, что получается, – и он стал загибать пальцы, приводя неотразимые доводы.

Получалось и впрямь не ахти. Во-первых все местные жители, включая детей и стариков, говорили на древнерусском. Во-вторых, сам розыгрыш получался слишком накладным – построить средневековую деревню – удовольствие не из дешевых, и потом, когда бы кто успел это сделать.

– А видел бы ты, какими глазами они на содержимое наших рюкзаков смотрели. Ну разве хлеб проигнорировали – они свой пекут, а касаясь перца, сахара, конфет... Даже этикетками не побрезговали. Только чай цейлонский не очень восприняли. Мол, у них смородиновый лист душистее.

– А про карабин что говорили? И про часы с биноклем?

– Дабы не смущать народ обилием иноземных вещей, я часики закопал.

– А не испортятся?

– Спихватился, – хмыкнул Петр. – Уже, причем в первый же вечер. Точнее, обнаружил я их поломку вечером, а сломались они, скорее всего, в момент нашего загадочного перемещения во времени. Они ж электронные, вот и не выдержали. А карабин с прицелом и биноклем я припрятал здесь, наверху, под стрехой. Место сухое, не заржавеет. Туда же и патроны сунул. Да, – спихватился он. – Я там в твоём рюкзаке еще сотню каких-то здоровенных надыбал, и к карабину они никаким боком.

– Дядька для своих ружей попросил захватить, – равнодушно пояснил Улан.

Петр кивнул, встал, прошелся по избе, пнул носком берца ножку стола, похлопал по стене и, опершись о печку, с грустью констатировал:

– Как видишь натуральное, не из папье-маше. Мы, кстати, неплохо устроились, отдельную избу заполучили. У них в Липневке голодовка была пополам с мором, выкосило многих, часть изб опустела. Вообще-то они прошлой зимой их на дрова пустили, а эту, на наше счастье, разобрать не успели, – он невесело усмехнулся. – Староста деревенский расщедрился. Между прочим, название самой деревни производное от его имени. Его Липнем зовут, ну и деревню по его имени окрестили. Он тут навряд ли местного пахана или смотрящего – называй как хочешь.

Сангре тяжело вздохнул и настороженно уставился на друга, чей рассеянный взгляд блуждал по простенку между двух окон, затянутых бычьим пузырем.

– Ты о чем призадумался? – осведомился Петр. – Ищешь альтернативное объяснение всему этому? – и он широким жестом обвел печь, стол, вторую лавку у противоположной стены и прочую скудную обстановку. Улан молча кивнул. – Бесполезно. Я и сам его пытался найти, но... – Он тяжело уселся на лавку, зло шарахнул по столу кулаком и досадливо поморщился, потирая его. – Кстати, подходящее под твоё описание болото я поблизости отыскал. И островок на нем имеется. Именно на нем, кстати, и отсиживался всегда при налете врагов местный народец. Но красная ряска на болоте никогда не появлялась, да и называется само болото не Красным, а Лосиным мхом. Про загадочный туман люди тоже никогда не слышали. Вывод, как ты понимаешь, напрашивается однозначный – все это произойдет позже, в Великую Отечественную. Но зато мы успешно расследовали дело об исчезновениях людей, – он невесело улыбнулся.

– Слушай, а если это какой-нибудь скит? – встрепнулся Улан. – Ну-у, вроде старообрядцев. Маловероятно, конечно, но всё лучше звучит, чем...

– Тогда они о текущих событиях в стране ничего бы не слышали, – бесцеремонно перебил Петр, – а у них с этим полный порядок. И новости с рынка, то есть с торжища в Твери, куда они мотаются, регулярно привозят, так что я в общих чертах знаю и про обстановку на Руси, и про их местного князя. Михаилом Ярославичем его зовут, слышал про такого?

Улан нахмурился, припоминая, затем молча кивнул. Сангре озабоченно поглядел на друга и, взяв со стола какую-то тряпицу, принялся бережно вытирать испарину, выступившую на лбу раненого.

– Не хотел говорить, – вздохнул он, аккуратно обтирая Улана. – Ох, не хотел. Ну куда на тебя мешок с такими новостями вываливать? Они и для здорового как фейсом об тейбл или ломом по хребту, а ты вон, весь поранетый. Но с другой стороны деваться некуда, надо. Ты ж, с такими непонятками столкнувшись, уже к вечеру повязки бы с себя срывал, орал матерно и требовал, чтоб тебя из дурки выпустили. Вот я и решил на упреждение сработать... Извини, старина.

– Ничего, – вздохнул Улан и легонько похлопал исхудавшей ладонью по руке друга. – Ты правильно сделал. А что еще слышал из... ну-у... местных новостей?

Сангре сокрушенно развел руками.

– Народ темный, так что про остальные княжества у меня информации ноль. Разве про козни какого-то Юрия Даниловича рассказали. Это московский князь, но его в этом году хан Золотой орды в Великие Владимирские воспроизвел, причем по благу, поскольку свою родную сестричку за него замуж выдал. Да и то знают о нем, поскольку у него с местным тверским большие разборки идут, но **через почему, они понятия не имеют**, – он невесело усмехнулся и подвел итог. – Словом, мы с тобой в четырнадцатом веке, старина. Если совсем точно, то ныне месяц ноябрь лета шесть тысяч восемьсот двадцать пятого от сотворения мира. – Улан нахмурился, морща лоб, но Петр остановил его. – Да не трудись с подсчетами, я их уже проделал. От рождества Христова получается тысяча триста семнадцатый год.

– Все равно... не верю.

– Ну-у, время у тебя, пока лежишь, имеется, вот и попробуй на досуге подыскать другое объяснение, – предложил Сангре. – У меня-то основной источник знаний – художественная литература, да и то не сказать чтоб в огромном количестве, а ты, помнится, перед тем, как историю России в Академии сдавать, всерьез учебники штудировал. **Кстати, а откуда взялся этот московский князь Юрий Данилович и где Иван Калита? – поинтересовался он.**

– Юрий – старший брат Ивана. Негодяй отпетый, клейма негде ставить, а Калита... Он придет к власти после смерти Юрия, – рассеянно пояснил Улан.

– Понятно, – кивнул Петр и устало махнул рукой. – Ладно, об остальном попозже перетолкуем, скажем, через недельку, когда совсем оклемаешься, а пока лежи, выздоравливай, а я побежал.

– Далеко?

– Надо идти Горыне в кузне помогать. У него завтра профессиональный праздник – Кузьмы и Демьяна, то бишь его покровителей, по нашему День кузнеца получается, а работы срочной куча и нужно успеть ее всю за сегодня переделать. А ты думай, старина, крепко думай...

Едва за Петром закрылась дверь, Улан закрыл глаза, но обмозговать приключившееся с ними не получалось. Рассудок и логика вкупе со здравым смыслом упрямо отторгали произошедшее, не желая примириться с ним.

Неожиданно в памяти всплыло карточное предсказание. Странно, но сбылось оно в точности. И забвенье прошлого, и перемена жизни, да еще какая крутая перемена. Вот и не верь после этого в гадания. Правда, Петр говорил что-то о приятной поездке или отпуске в очаровательном месте вкупе с весельем, но это можно отнести на счет своеобразного карточного юмора.

Когда он наконец заснул, ему тоже приснились карты. Грозные крестовые шестерки в белых плащах азартно атаковали кучку червонных фигурок, в отдалении два вальта в черных одеяниях выкручивали руки ослепительно красивой даме трэф, с мольбой взиравшей на Улана, а издали, стоя на пригорке, на него исподлобья сурово глядел пиковый король...

Глава 5. Мозговой штурм или Бизнес-план по-русски

Всю последующую неделю друзья размышляли и прикидывали, как им быть дальше, но – по настоянию Улана – строго по отдельности. Сам он, поднявшийся через пару дней с постели, вообще практически целыми днями молчал. Ковыляя потихоньку по деревне, он присматривался к окружающему его миру, новому и непривычному, порой удивляясь его необычности.

Но не любуясь, поскольку нечем. Может, кто-то из любителей патриархальной старины и нашел бы кое-что, милое его сердцу. К примеру, простоту нравов – дверей в домах никто не запирает. Или, скажем, безусловное подчинение старшему, именуемому большаком. Он в каждой избе был свой, но имелся и еще один, общий для всей деревни – староста дед Липень, бодрый и крепкий старик, то и дело хитровато жмурившийся при разговоре.

Но Улану в первую очередь бросалось в глаза иное: скопище серых невзрачных строений, которые он про себя назвал во время самой первой прогулки избушками на курьих ножках, грубая обстановка внутри каждой с минимумом мебели, и царящая повсюду непроглядная, с его точки зрения, нищета.

На вопросы любопытствующих он отвечал односложно: мол, тяжело разговаривать, не отошел от ран. Впрочем, к нему особо и не приставали, относясь сочувственно: косолапые голыми руками задрать – труд тяжелый. Да и не до того было народу, особенно мужикам, чьи мысли занимало иное, куда более важное – сборы на войну.

С кем? Да с тем самым московским князем Юрием Даниловичем. Оказывается, тот, заполучив ярлык на великое Владимирское княжение, вознамерился окончательно растоптать своего тверского соперника. Едва собрали урожай, как Юрий налетел на владения Михаила Ярославича, ведя с собой один из татарских туменов, приведенный им из Орды. И сейчас ратники-москвичи вкуче с татарами продолжали нещадно разорять тверские земли, расположенные на правом берегу Волги. На левый, правда, не перебирались, дожидаясь хорошего льда, но им хватало добычи и на правом⁷.

Что они вытворяли, рассказывали те, кто на своей шкуре испытал эти погромы. Чудом уцелев и укрыв в лесах семьи, мужики – оборванные, голодные, злые – переправившись через Волгу, не раз проходили через их деревню, торопясь в Тверь, где Михаил Ярославич собирал рати для отпора врагам. Как только мужики не обзывали московского князя. Иуда и христо-продавец, пожалуй, были самые мягкие из прозвищ. Москвичей от татар в своих рассказах никто не отделял – вели они себя практически одинаково, а потому и имели общее название – нехристи.

На Улана, нечаянно попадавшего на глаза, мужики смотрели недобро, исподлобья – уж очень он напоминал одного из тех, кто жег, насиловал, убивал. Правда, когда Петр, дед Липень или кузнец Горыня объясняли им, кто он таков и какого племени, остывали быстро. Правда, о калмыках они ни разу до этого не слыхали, но главное – не татарин.

Решив «идти подсоблять своему князю», практичный деревенский народец на сходке определил, и кому оставаться: совсем оголять деревню не дело, да и позже, если кто не вернется, надо, чтоб хоть один мужик из каждой семьи остался здоровехонек. Получилось четверым воевать, а пятерым – беречь добро и семьи. Не согласился с таким раскладом один Горыня. Ему тоже следовало остаться. Во-первых, он один у Заряницы, а во-вторых – и это самое главное, единственный кузнец. Однако переубедить упряма не вышло, и Липень нехотя согласился.

К концу недели Улан согласно кивнул другу:

⁷ Это в наше время Тверская область расположена преимущественно за Волгой, а в XIV веке владения тверских князей располагались равномерно как на право, так и на левобережье реки.

– Думаю, настала пора мозгового штурма, а то ты чуть ли не подпрыгиваешь от нетерпения. Давай, излагай надуманное. Но вначале ответь – есть у тебя какие-то объяснения тому, как мы сюда угодили?

Сангре пожал плечами:

– Ну а как же. Партизанское проклятье, конечно, ерунда, но немцы со своими минометами, скорее всего, действительно во что-то нечаянно попали и от их бомбежки запустился некий неизвестный науке механизм. Он-то нас сюда и доставил...

– И я того же мнения, – согласно кивнул Улан. – Получается, надо думать о досрочном запуске этой неведомой машины.

Петр кисло поморщился.

– Наиболее логичный вариант: завезти на островок с десяток бочек с порохом и подорвать. Тогда есть шанс, что он опустится под воду, заодно включив механизм. Но порох у нас на Руси, равно как и во всем мире, отсутствует, – уныло развел он руками. – Разве поискать в Китае, где много народу и мало гигиены. Но Интернета здесь нет, да и доставка осуществляется не самолетом. Так что пока объясним все купцам, покаждемся выполнения заказа... Ты только не падай в обморок, но вывод печальный: торчать нам здесь года три, а то и все пять, причем в самом лучшем варианте.

– Пять лет, говоришь, – хмыкнул Улан и неожиданно протянул. – Дай-то бог, чтоб всего пять. А что до пороха, то... в Европе порох должен быть уже сейчас, – выдал он твердо.

– Ты уверен? – ликующе вспыхнули глаза Сангре.

– Абсолютно. Я, пока отлеживался, пытался припомнить все известное мне из истории этого времени. Кое-что набралось. Например, когда и от чего погиб ныне здравствующий литовский князь Гедимин. А причиной его смерти стал огнестрельный выстрел из аркебузы во время осады какого-то из замков Тевтонского ордена. И приключится это всего через двадцать четыре года, в сорок первом. Мне потому и запомнилось: дата символическая, особенно с учетом того, что стреляли немцы.

– Все равно долго ждать, – разочарованно вздохнул Пётр. – Сдается, через Китай быстрее выйдет.

– Так ведь не за один же год изобрели в Европе порох, приготовили нужное количество, додумались до того, как его использовать в военном деле, и так далее. Сам подумай, сколько времени надо для изготовления аркебузы, да и то в качестве экспериментального образца. А в крепости, обороняемой орденскими рыцарями, она, скорее всего, была не одна. Да и в Прибалтику их доставили не сразу.

– А ведь верно, – протянул Сангре и глаза у него вновь азартно блеснули. – Тогда дело за малым: отыскать порох и привезти сюда. Одно плохо. В Европу попасть не проблема, но найти денег для покупки... Впору встать возле какой-нибудь синагоги вроде собора Парижской богородицы и начать кланяться милостыню у местных барыг!

– Хочешь попробовать? – усмехнулся Улан и иронично процитировал: – Месье, же не манж па сис жур.

– Вообще-то я тебя имел в виду как полиглота, – огрызнулся Сангре, – поскольку у меня с языками, сам знаешь, проблемы. Хотя... – он окинул друга критическим взглядом и сокрушенно махнул рукой. – Нет, не пойдет. Дабы выглядеть солидным просителем, надо раздобыть инвалидное кресло, тебе помимо французского языка научиться играть на гуслях, а мне каждый день начищать твою рожу, освежая многочисленные синяки и фонари под глазами. Словом, слишком много возни. Слушай, а самым состряпать порох никак? Ты ж такой умный, да и состав у него вроде простой.

– Отпадает, – влет отверг его идею Улан. – Примерные пропорции мне известны, но где найти некоторые составные части, например серу, я понятия не имею, а потому проще купить готовый. Исходя из этого задача номер один – заработать денег на его покупку, причем

в большом количестве, поэтому надо подготовить небольшой бизнес-план. Есть у тебя какие-то соображения?

– Это ты насчет раздобыть денег? – уточнил Сангре. Улан кивнул. Петр вздохнул и виновато развел руками, честно сознавшись: – Шоб я так знал, как не знаю.

– Ты и не знаешь?! – изумился Улан. – Да ты еще с лейтенантских времен всегда был нашим бессменным казначеем, и я не помню такого, чтобы мы голодали или...

– Не забудь, я не добывал эти гроши хитроумными способами, а преспокойно получал их в кассе. И потом я лишь экономил рублики, выделенные мною и тобой на хозяйство, – перебил Сангре. – Тут да, могу выдать класс хоть сейчас, благодаря учебе в университете на Привозе под руководством академика бабы Фаи. Но все это за поторговаться, а не за разбогатеть. Нет, перспективных идей у меня уйма, но бедным они не по карману.

– В смысле?

– В смысле, есть большая проблема за первоначальный капитал. Хотя сейчас, после того как ты меня вдохновил наличием пороха в Европе, кажется, я имею некий вариант... – он хитро улыбнулся. – Конечно, лучше бы пожить вольными стрелками, но не получится, а потому надо добраться до Твери и завлечь в будущую акционерную компанию тамошнего князя.

– И чем ты собрался соблазнить Михаила Ярославича?

– Тем, что он заработает кучу деньжищ всего за каких-то пару-тройку лет. Надо лишь выложить гривну сегодня и чуточку обождать, а послезавтра он поймет на ней десять и будет иметь их каждый год. Ну а далее, так сказать, в развитие темы, поясним, что перспективы у страны гигантские, но пока Русь даже не пристяжная в упряжке Орды, а дойная корова. Значит, вывод один: она должна стать коренником. Разумеется, сначала сменив кучера. И посулим со временем достать такой порошок, который он сможет засунуть под облучок и сделать громкое «ой» этому самому кучеру. Поверь, такую морковку, как славный мордобой ненавистных ордынских рож, князь схрумкает на ура, даже если услышит, что надо подождать несколько лет.

– Сдурел?! Рано еще выводить. О поражении не подумал? Или ты по принципу: нам здесь не жить, значит, твори что хочешь, так что ли?

– Нам здесь действительно не жить, – согласился Петр. – Во всяком случае я на это надеюсь, но дело не в этом. Не можем же мы так и сидеть здесь сложа руки все то время, кое судьба отвела на наше пребывание здесь. Как сказал поэт, «быть русским – значит, воином быть в поле, пусть даже в этом поле ты один⁸». А учитывая, что нас двое, мы с тобой просто обязаны внести какой-то вклад в грядущую победу.

– Насчет победы, – саркастически хмыкнул Улан. – Напоминаю, Дмитрий Донской дрался с частью Орды, и то еле-еле победил. А сейчас Узбек ой как силен да и Орда единая.

– Подумаешь, – пренебрежительно отмахнулся Петр. – Нет, я не спорю, пока враг един, а на Руси раздраз, лезть в драку нечего и думать. Значит, надо помочь Михаилу помимо добычи пороха быстренько объединить Русь и внести раскол в Орду. И когда претенденты на тамошний опустевший престол примутся грызться меж собой, как собаки за вкусную кость, мы...

– Стоп, стоп, – остановил не на шутку увлекшегося друга Улан. – Почему опустевший? С чего ты решил, что Узбек скоро умрет? Насколько я помню по истории, ему еще минимум лет двадцать, а то и больше, править Ордой.

Петр покачал головой:

– Это долго. Мы столько ждать не можем, да и незачем – вспомни про спрятанный под стрехой карабин.

– Ты с ума сошел! – охнул Улан.

⁸ Евгений Скворешнев (Скворцов). «Быть русским – не заслуга, но обуза».

– Ну почему, – пожал плечами Петр. – Сдается, что захватили мы его с собой не просто так, а по велению свыше. Не иначе как судьба расстаралась. Знала, окайнная, куда мы попадем, вот и подкинула нам подсказку.

– Какую еще подсказку?

– А такую. Это ж явный намек, что гражданина Узбека надо отправить в священную долину предков, а то его Чингисхан там заждался. Нет, я допускаю, что ордынская знать поначалу может объединиться и помочь кому-то из живущих ныне хануриков, то бишь сыновей хана, снова поднять знамя, пробитое русскими пулями, над ихним амбаром, сараем или овином. Но в наших силах сделать правление сынишки столь же длительным и счастливым, как жизнь воробья в пасти у кошки, то бишь повторить вариант с Узбеком. И поверь, мы таки устроим в их ханском чуме ужас и большой бенз, а заодно исправим некоторые ошибки мадам Фортуны, допущенные в отношении нашей страны. И тогда... – он мечтательно зажмурился. – Товарищ, верь, взойдет она – звезда пленительного счастья, и... на осколках всей Орды напишут наши имена. А что? Может и вправду напишут в парочке летописей, мол, жили такие: загадочный и жутко мудрый калмык и развеселый одессит...

– Остынь, великий комбинатор, – посоветовал Улан. – Мы в Липневке, а не в Больших Васюках. И вообще оставь-ка на время отдаленные перспективы и вернись к дню сегодняшнему.

– А за день сегодняшний я все сказал, – развел руками Сангре. – Начинаем с того, что принимаем тверского князя, то бишь нынешнюю власть, в свою акционерную компанию, предложив впечатляющий по своим масштабам гешефт, от перспектив коего завистливо взвоят все сыны Сиона. И пожалуйста: дорога для будущих титанических свершений открыта, просторы распахнуты настежь. А нам нешто жалко, коли за моральное вознаграждение, слово доброе и долю малую.

– Долю в чем? У тебя есть конкретные идеи?

– Он спрашивает! – возмутился Сангре. – Да они здесь валяются на дороге, как конское дерьмо после прохождения княжеской дружины. Кидаю навскидку: с бумагой тут напряженка, а чтоб ее изготовить, хватит даже моих куцых мозгов. И для книгопечатания их тоже хватит, поскольку буквы отливают из свинца, а для его плавления достаточно температуры обычного костра. Между прочим, книжечки сейчас дороже мерседеса, так что на них одних можно стать мультимиллионером. Ну и помимо них... Наша родина та еще корова, и молока у нее, в смысле полезных ископаемых и прочих богатств, хоть залейся! Одна беда – вымя пока не раздоено, я имею в виду Урал. А стоит нам его освоить, как мы ух и ого-го. А там топать и топать вперед по Сибири-матушке, попутно подбирая пушнину, кедровые орешки, а когда доберемся до Якутии, то и алмазы. Ну и колымское золото.

– Круто размахнулся, ничего не скажешь. Вот только сроки ты не учел. навряд ли мы уложимся по времени, разумеется, если ты не предпочитаешь прожить здесь всю жизнь.

– Да я понимаю: нам здесь не жить, в смысле долго, но мы и за два-три года запросто положим начало многим затеям, а тут ведь главное – закрутить колесо, чтоб оно первые обороты успело сделать, а потом оно само вращаться станет, так сказать, по инерции.

– Сомневаюсь я, что этой инерции хватит до решающей битвы.

Сангре уверенно парировал:

– Наше дело – посадить Русь в седло, а поскакать в атаку на врага она в любом случае должна сама, добровольно, а не понукаемая нашими пинками. А насчет сомнений ты зря. Наша страна чем-то напоминает каток-асфальтоукладчик. Такая же слегка тормознутая, но ежели сдвинуть с места, да направить под горку, будет картина маслом: «Спасайся, кто может!» Кстати, не подскажешь, время для пушек не скоро придет?

Улан потер лоб, припоминая.

– Вроде бы литовский князь Ольгерд применил их в битве с Ордой где-то в середине этого века.

– Получается, в Европе они либо уже имеются, либо на подходе, – сделал вывод Сангре. – Значит, найти спецов по их отливке не проблема. Тогда вообще красота! Представляешь, идет мирная демонстрация татар с нижайшей просьбой выплатить им задержанную за несколько лет дань, а русские войска во главе с тверским князем встречают их приветственным салютом... из картечи. Орудийный залп из двадцати-тридцати, а лучше из сотни стволов – это ж сказка, песня, героическая симфония. Шостакович отдыхает. Кстати, за посмотреть такое я готов даже сделать небольшое ша нашему отъезду в двадцать первый век. В смысле не насовсем, но слегка отсрочить, эдак на пару-тройку лет, от силы на пяток. Очень мне жажжется лицезреть массовый переезд дяденек-разбойничков из своих фигвамов на просторы бескрайней тундры куда-нибудь в район побережья Карского моря. Пора им пересаживаться с лошадей на северных оленей, давно пора, – он жизнерадостно потер ладоши и расплылся в довольной улыбке. – Ну и как тебе перспективы?

– Радужные, что и говорить, – согласился Улан. – И обрисовал ты картину, в принципе, верно. Вот только насчет твоего выбора князя... Почему именно тверской? Все-таки московский верх-то возьмет, так что давай вначале послужим ему, а если и ошибемся, то не страшно, перейдем в Тверь. Один чёрт – Русь.

– Нет, Уланчик, не пойдет, – возразил Сангре. – Черт-то один, но рога разные, в смысле нынче на самой Руси что ни княжество, то отдельное государство со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая присягу. А меня еще мой отец учил, что присягают на верность всего один раз. Когда... – но тут он осекся и смущенно кашлянул в кулак, виновато покосившись на друга.

Ему, конечно же, очень хотелось поведать Улану о том солнечном дне, когда воинская часть, где служил гвардии капитан Михаил Сангре, выстроили на плацу для принятия присяги на верность Украине. Поведать во всех подробностях и, разумеется, процитировав блистательный ответ отца, в тот же день облетевший весь Привоз, Молдаванку и Дерибасовскую.

Уже самое начало: «Советские офицеры дают присягу один раз в жизни!» привело новое украинское командование в неопишное изумление, от коего оно попросту онемело. Именно потому вызванный из строя гвардии капитан смог беспрепятственно продолжить, иронично глядя на хмурые лица своих сослуживцев:

– А шлимазлы и байстрюки, готовые променять родину, друзей и кальсоны по выгодному курсу, никакие не офицеры, а...

Далее последовала неперевоимая игра слов с использованием всего богатства словаря идиоматических выражений, густо пересыпанных виртуозными фразами из лексикона мамы Фаи и портовых биндюжников.

В строй Михаил встал самостоятельно, без команды, ибо начальство так и не вышло из ступора. Командир части попытался сделать вид, что ничего особенного не произошло, но не удалось – чуть ли не все те, кто накануне колебался, присягать или нет, как один отказались. Ну не захотели господа офицеры встать в один ряд с байстрюками, шлимазлами, гопниками, лайдаками, тухлыми фраерами, коцаными лохами и прочим фуфлом. Скандал оказался ужасный, ибо вместо предполагаемых и уже доложенных наверх семидесяти пяти процентов, в новую армию незалежной неньки Украины перешло меньше четверти.

Как ни удивительно, Галя, молодая супруга капитана Сангре, узнав о случившемся, не сказала мужу ни единого слова поперек. А может, сказала буйная кровь ее бабушки пана Станислава, никогда не забывавшего о своем польском шляхетском роде Амадеев и не раз рассказывавшего внучке, как он сам браво дрался с фашистской сволочью в те времена, когда пан Сталин еще мочил свои пышные рыжие усы в чарке с горилкой, осушая ее во здравие пана Гитлера.

Одобрила сына и мама Фая. Более того, она еще сильнее возгордилась своим ненаглядным и единственным, который «имеет-таки истинную честь и не променял ее, подобно Исаву, на шмат жирного сала и миску ароматного борща с галушками». Хотя и всплакнула – не без того – провожая любимца в далекую Россию. Правда, внука у сына с невесткой (с обещанием отдать, когда они осядут где-нибудь всерьез и надолго) забрала.

А фраза Михаила о настоящем советском офицере, принимающем присягу лишь раз, так ей понравилась, что она цитировала ее маленькому Петру при каждом удобном случае, и застряла она в голове мальчишки накрепко. Впрочем, он и сам, когда повзрослел, столь сильно восхищался поведением отца, что о дне принятия украинской присяги неоднократно рассказывал тому же Улану.

Ныне, судя по невозмутимому лицу друга, тот уже набрался терпения, дабы выслушать эту историю в очередной раз, но Петр вовремя спохватился и был краток:

– Потому что настоящий офицер дает присягу на верность лишь один раз, – повторил он отцовские слова и, не давая Буланову вставить хоть слово, торопливо продолжил: – Да, не спорю, мы ее уже приносили и как ни крути, получается, что это второй, но при таком форс-мажоре даже мой батя дал бы добро на лишний разок. Но на один, а значит давать ее надо именно тверскому князю.

– Почему?

– Ну не Юрию же с его татарами, – пожал плечами Петр. – Значит, Москва отпадает, Одессы пока, увы, не существует, как ни удивительно сознавать за этот факт, и, следуя методом исключения, остается Тверь, поскольку остальные князья мелковаты.

– И все-таки на мой взгляд проще сделать ставку на будущих победителей.

– Проще, – согласился Петр и поморщился. – Но... несправедливее. И потом, какие проблемы? Одно то, что именно тверские князья выведут русские полки на Орду, гарантированно обеспечит им первое место. Следовательно, и победителями окажутся они.

– А кто ты такой, чтоб менять династии?! – возмутился Улан. – И вообще, есть ли в этом смысл? Коль победят московские князья, значит, они способнее, талантливее...

– Или подлее, – перебил Сангре. – На конкурентов в Орде стучать и степными саблями Русь к своим ногам пригибать особого ума не надо. Да ты сам погляди. Про Юрия вообще говорить нечего – козел высшей марки, успел я от проходящего народа наслушаться, что он сейчас вместе с татарами в тверских владениях вытворяет, а касаясь прочих московских князьков... Скажешь, Иван Калита на тверских князей в Орде не клеветал, отчего у них головы одна за другой летели? А? Чего умолк?

– Откуда нам знать – может, и тверичи того... – проворчал Буланов.

– Ты сам-то в это веришь? – иронично хмыкнул Сангре. – Историю пишут победители, и если б со стороны тверичей была замечена хоть какая-нибудь пакость, Москва бы ее расписала с своих летописях в стихах и красках. Нет, я, конечно, отечественную историю в Академии на четверку сдал, в отличие от тебя, да и та, если честно, незаслуженная, но в своем розовом беспортошном детстве мне довелось читать в разных исторических книжках за потомство Ивана Калиты и его самого. И мой вывод категоричен: нашей прекрасной стране всё время не везло с государством.

– В смысле?

– В смысле, с руководством. То на троне полудурки припадочные с пятнадцатью женами под мышкой, то столь рьяные любители подглядывать за жизнью в Европе, что аж специально дыры в стенах для форточек ковыряют, откуда потом все время нездоровые сквозняки несутся, то вообще вечно пьяные идиоты, оркестрами дирижирующие, а в перерывах между пьянками оружие всякой мрази раздающие, после чего кое-кому...

Он неожиданно помрачнел и резко осекся, отвернув лицо в сторону. Улан вздохнул, понимая, что именно вспомнилось Петру – последняя командировка на юга майора Михаила

Сангре закончилась трагично, и на память об отце у его друга остались лишь семейный фотоальбом и несколько боевых наград. Последнюю из них – орден Мужества – вручили уже сыну, ибо посмертно.

Однако Петр довольно быстро взял себя в руки и продолжил:

– А ведь все пошло с нынешних шлимазлов. И что уж там спрашивать об их отношении к населению страны, когда они своих родных братьев нещадно гнобили – кого голодом уморят, кого... Да, кстати, – востропел он, резко меняя тему, – напосни-ка мне, хоть раз при осаде врагами их столицы московские князья, начиная с Дмитрия Донского, вставляли на стены вместе со своим народом? Да ладно стены, но они ж и в Москве не оставались, постоянно удирая куда глаза глядят.

Улан почесал в затылке, подыскивая опровержение. Сангре терпеливо ждал и торжествующе улыбнулся, услышав от друга растерянный ответ:

– А знаешь, я и правда не припомню ни одного случая, чтобы... Но-о... им же рати для обороны страны собирать требовалось.

Петр иронично крякнул:

– Ой, только не надо меня лечить! Ты сам-то веришь в эту детсадовскую отмазку? Да со сбором войска любой воевода справился бы. Наоборот, народ вдвое, а то и втрое быстрее собрался бы на выручку, узнав, что их князь или царь героически кукует на стенах столицы и весь израненный, потеряв три руки и четыре ноги, все равно не собирается сдаваться, день и ночь грызет гнусных врагов зубами и впрыскивает им в кровь ядовитую от лютой ненависти слюну. Не-ет, дружище, шкуру они свою любимую спасали и ничего больше. Короче, не желаю я за этих трусливых татарских холуев подписываться, и баста! – Улан хотел возразить, но Петр властно протянул в его сторону руку. – Ша, дядя, я еще не изъяснился за тверских князей. Так вот навряд ли Михаил рванул бы без оглядки из Твери во время ее осады врагами. И его сыновья тоже.

– Почему ты так уверен?

– А я на днях имел беседу со старостой. Мужик опытный, пожил немало, повидал всякое, в том числе и татарскую Дюденеву рать. Была такая, лет двадцать назад. Между прочим, привел их на Русь один из сыновей Александра Невского, а по совместительству родной дядя этого Юрия. Разборки он с родным братцем учинял вот и позвал басурман на подмогу, умник хренов. Ну они и рады стараться, явились – не запылились. И единственное не пострадавшее в то время княжество – Тверское, потому что Михаил выставил на границу войско и сам встал во главе его. Прямо как в песне: на смертный бой, с татарской силой темною..., – он осекся и потер лоб, задумчиво протянув: – Как в песне... А что – мысль неплохая.

– Так что дальше-то? – перебил Улан.

Петр вопросительно уставился на друга. Тот повторил.

– Да ихняя Дюдения почуяла, что настрой у пацанов не детский, почесала репу и сказала, что притомила и вообще подзадержалась в гостях, пора и по домам. То есть одна, пускай бескровная победа над регулярным татарским войском в активе тверичей имеется.

– Я читал об этом, – кивнул Улан.

– Ты читал, а мне, как ни дико оно звучит, очевидец рассказывал. Да ты сам, поди, от мужиков местных слыхал, как они о Михаиле отзываются. Сомневаюсь я, чтоб в других местах народ добровольно и в таком массовом порядке шел защищать столицу и своего князя. Заметь, в худшем случае они рискуют поиметь инвалидность без выплаты пенсии или вообще облачиться в деревянный макинтош, а в самом лучшем... ничего не поиметь. Ну-у, если не считать драного трофейного малахая и чувства глубокого морального удовлетворения за небесцельно прожитые годы. А ведь идут.

– Ладно, давай пока отложим дальнейшую дискуссию и как следует все обдумаем, – предложил Улан.

– Идет, – согласился Петр. – Но ненадолго. Через три дня устраиваем повторный сходняк. Улан согласно кивнул и иронично заметил:

– Станный у нас бизнес-план получился. Начали с обсуждения, где и как раздобыть деньги для покупки пороха, а закончили спасением Руси.

– А чего удивляться, – пожал плечами Петр. – Мы ж не европейцы какие-нибудь, так что нормальный русский бизнес-план.

Глава 6. Вставай, вся Тверь огромная, или Окончательный выбор

Почему Сангре предложил столь небольшую отсрочку, Улан понял, узнав, когда именно местные мужики собрались идти в Тверь.

– Оставлять тебя не хочется, а если по уму, то и мне надо бы завтра вместе с ними в Тверь податься, – мрачно заметил Петр, кивая в сторону Горыни. Тот стоял подле своей избы, расположенной по соседству и что-то старательно втолковывал заплаканной Зарянице. – Я и песню для них стоящую припомнил. Пришлось, правда, переделать кой-какие слова, но в целом подходит как нельзя лучше. Так сказать, на злобу дня, для поднятия боевого духа, чтоб маршировалось бодрее, – и он вопросительно покосился на друга.

– Намек понял. Хочешь моего благословения, – кивнул Улан и поинтересовался: – А как долго ты сможешь усидеть на лошади, особенно если ее пустить рысью или галопом?

Петр покраснел, но за ответом в карман не полез.

– Ополченцам в пешем строю драться предстоит.

– А из лука стрелять ты можешь? – не отставал Улан. – Или решил карабин с собой прихватить?

– И в мыслях не держал. Но почему сразу лук? Между прочим, их тут ни у кого нет. Сабель, кстати, тоже. Зато помахать топором или, скажем, секирой могу запросто. Ну и копьё как-нибудь в руках удержу, не выроню. Так как?

– Угомонись, – усмехнулся Улан. – И без тебя управятся. Лучше скажи, ты надумал, что делать дальше? Или предложил новый мозговой штурм с одной целью: отпроситься у меня и уехать сражаться?

– А на мой взгляд одно с другим так тесно связано, что не разорвешь. Удастся отличиться в бою – вот тебе и выдвижение. Как идея?

– Не ахти, – покачал головой Улан. – Во-первых, слишком много риска. Во-вторых, как мы установили, ты чересчур многого не умеешь.

– Но мы ж говорили...

– ...про топор и копьё. Согласен, с ними ты справишься. Но они – оружие ополченцев, а я сомневаюсь, что князь им заплатит хоть копейку. Дружинник же из тебя никакой, – и он напомнил: – Лошадь, сабля, лук. Без последнего так-сяк можно обойтись, но первые два... Лучше бы про альтернативу подумал. У тебя, кстати, неплохие идеи были.

Петр мрачно покачал головой.

– Не годятся они, – пояснил он. – Сами по себе – да, путевые, но... Не выйдет у нас заинтересовать Михаила бумагой, книгопечатанием и прочим. У него более актуальные заботы. Да и экспедиции на Урал формировать князь тоже навряд ли согласится. Я с Горыней потолковал, железа на Руси и впрямь дикая нехватка, но... – он поморщился, – долго все это. А кроме того я представил себе наш будущий разговор с князем и понял: навряд ли он вообще станет нас слушать. Сам посудите: явились какие-то приبلуды, кто такие и откуда взялись – неизвестно, с чего им верить? И потом пословицу вспомни: встречают-то по одежке, а она у нас... Потому я и думал податься в армию. Сумею отличиться в бою, урвать чуток трофеев, и тогда...

– Можешь отличиться, а можешь и голову сложить, – перебил Улан. – И второе куда вероятнее.

– А что делать-то?! – взорвался Петр. – Сиднем сидеть?!

– А тебя зачем государство столько времени учило? Опера мы или кто? Пойми, лучше всего заниматься знакомым делом, а мы с тобой профессионалы, нам и карты в руки.

– Так ведь нет сейчас МВД. Куда устраиваться-то? – недоуменно осведомился Сангре.

– Не уверен, – покачал головой Улан. – Названия такого действительно нет, не спору, но что-то наподобие... В порядке нуждается любая власть. Надо просто выяснить, кто здесь занимается отловом разбойников в лесах, карманных воришек на этих, как их там, торжищах и поимкой прочего преступного элемента. И тогда нам надо... в Москву. Погоди, погоди, – остановил он вспыхнувшего от возмущения друга. – Ты вначале призадумайся. Судя по прозвищу, Иван Калита вроде бы мужик хозяйственный, а такие в порядке нуждаются больше всего. Кроме того, они умеют заглядывать вперед, мыслят на перспективу, а потому поверь – шансов получить работу по специальности у нас с тобой в Москве гораздо больше, – он вздохнул. – Ну да, остаются татары. Но не забудь, с их приводом расстарался не он, а его старший братец Юрий.

– А Иван, когда к власти придет, их на Русь водить не станет? – прищурился Сангре.

Улан замялся. Правду говорить не хотелось, а врать другу – последнее дело, и он промолчал.

– То-то, – поучительно сказал Петр. – Яблочко от яблоньки. Да ты сам прикинь. Вот встречаемся мы где-то через год-два в бою с тверичами и видим, что напротив нас стоят мужики из Липневки. Ну, к примеру, кузнец Горыня или, скажем, Лошак. Помнишь, как он все свои дела бросил и полдня тебе костылик из липы выстругивал? Да им нас и убивать не надо, сами со стыда сгорим.

– Угомонись, – сердито буркнул Улан. – Не встретимся мы ни с кем. Умные князья сотрудинок МВД на войну не посылают.

– Всякое бывает, – отмахнулся Сангре и встрепнулся. – О, кстати. Как думаешь, может, стоит попытаться отговорить деревенский народ идти в Тверь? Коль Москва одолеет, значит, и им достанется по первое число, жалко мужиков.

– Не жалею. Сказал же, без тебя управятся. Можешь поверить: в этом сражении верх останется за Михаилом.

– Что, правда?! – радостно вспыхнул Петр. – Это точно?

– Абсолютно, – подтвердил Улан.

– Ну тогда я сегодня же их успокою. Они ж на прощальную трапезу собирались к вечеру. Кстати, и нас с тобой пригласили, заодно и обрадую. Скажу, что бог⁹ видение тебе ниспослал. Думаю, после такого предсказания они и на тебя совсем иначе станут смотреть. Ну, знаешь, как на радостного вестника со всеми отсюда вытекающими.

...Стол для прощальной братчины бабы накрыли на славу. Света небольшие слюдяные оконца давали немного, но его вполне хватало, чтобы разглядеть обилие блюд, начиная с самой середины, где вольготно разместилась огромная сковорода с плавающими в собственном соку толстыми кусками жареного мяса. Небольшой судок с душистым хреном, вышибающим слезу, приткнулся подле. На блюдах вокруг тоже громоздилась всяческая снедь: хищно скалили пасти крупные окуни, густо обложенные кружочками лука, соблазнительно дымилась жареная капуста, многообещающе манил здоровенный брус сливочного масла, вызывали обильное слюноотделение крупные ломти свежеспеченного хлеба с румяной корочкой. Два запотевших (видно, совсем недавно извлекли из домашнего ледника) кувшина и ендова довершали изобилие. Один из кувшинов был доверху наполнен молоком, по мутной поверхности второго в беспорядке плавали какие-то листочки и палочки – то был квас. Из ендовы с плавающим в ней ковшиком веяло благоуханным ароматом хмельного меда.

Улана мужики после услышанного от него приятного пророчества о победе тверского войска усадили на одно из самых почетных мест, почти под иконами, подле самого деда Липня.

⁹ Чтобы соблюсти равноправие со славянскими богами – ведь не пишем же мы Бог Авось, Богиня Макошь, Бог Перун и так далее, – автор посчитал справедливым применить к словам «бог», «господь», «всевышний», «богородица» и т. п. правила прежнего советского правописания, то есть писать их со строчной буквы.

Мужики заставили его еще раза три повторить то, что ему якобы привиделось. Правда, их расчет узнать о своих собственных судьбах успехом не увенчался. Улан от ответа уклонился, заявив:

– Бог лишь победу дарит, а кому уцелеть у победителей – ваше мастерство решит.

– Какое там у нас мастерство, – пренебрежительно отмахнулся долговязый Лошак. – Чай не дружинники.

– А про боевой дух забыли? – усмехнулся Улан. – Худо придется тем, кто побежит, а те, кто в строю останется стоять, плечом к плечу с другими, должны уцелеть. Хотя, – он замялся, – и не все, – но на вопрос, кто конкретно, сконфуженно пожал плечами.

– Мог бы и соврать, – разочарованно проворчал Липень.

– Не приучен я к вранью, – засмутился Улан и чуть виновато улыбнулся.

– Глякась, глякась, – возликовал Лошак, тыча в него пальцем. – Эвон, ямки какие на ланитах. Ну, брат, таперь я и в самом деле верю, что ты не татарин. Нешто у басурман такие ямки бывают?!

– Да погодь ты с ямками, – досадливо оборвал его седой Липень. – Тута иное важней, – и он повернулся к Улану. – Ты об ином поведай. Не видал ли, великое княжение татарский хан опосля вернет нашему Михайле Ярославичу? Улан опустил голову, явно не желая отвечать. Почувяв неладное, в разговор сноровисто вмешался Петр, весело завопив:

– Да хватит вам, затерзали мужика вконец! Что ему господь послал в видении, то он и рассказал, ничего не утаил, и довольно на этом. Кстати, о боевом духе. Давайте-ка лучше песню споем, которой я вас днем научил. Не забыли слов-то? Ну, тогда я с другом начну, а вы подхватывайте, – и он затынул: – Вставай, вся Тверь огромная, вставай на смертный бой... – Улан от удивления открыл рот, а Сангре продолжал старательно выводить: – С пога-аной силой темною, с прокля-ятою ордой...

Дружеский, но достаточно ощутимый толчок в бок вывел Улана из оцепенения, и он подтянул припев, правда, на втором куплете осекся, ибо Петр его изменил до неузнаваемости.

Пришли они незванными

Из царства черной тьмы,

Явились окаянные

Посланцы сатаны.

Но к очередному припеву Улан вновь подключился. Да и мужики в избе, вначале тихо и нерешительно, словно пробуя, но, постепенно расходясь, старательно подпевали про благородную ярость и священную войну. Не всё и не у всех получалось, кое-кто фальшивил, кто-то просто орал, не заботясь о попадании в такт, а лишь бы погромче, но чувствовалось, поют с душой. Старый Липень под конец и вовсе аж прослезился от избытка чувств. И когда закончили петь, молчание прервали не сразу, каждому казалось кощунственным после столь высокого начинать разговор о чем-то мелком, будничном, мирском...

– Хороша песня, – наконец тихонько выдохнул староста, перекрестился и, повернув голову к Петру, поблагодарил его: – Спаси тя Христос, добрый человек, за то, что таковское измыслил. Не иначе сам всевышний тебе словеса оные нашептал.

– Ажно всю душу наизнанку вывернуло, – поддержал Лошак.

– Не вывернуло, а очистило, – поправил Липень. – Словно опосля молитвы в церкви. Эвон, – он кивнул на всхлипывавшую жену Устинью, – бабу мою до слезы прошибло. Да и у меня, признаться, очи чуток замокрели.

– Таковское перед сечей споешь и силов удвоится, – встрял обычно помалкивавший Горыня. – А давай-ка, Петру, сызнава её споем.

– Верно, – поддержал его Лошак. – Оно и запомнится лучшее.

Словом, концовка трапезы удалась. А песню, не удовлетворившись вторым разом, перед тем как расходиться по избам, спели и в третий.

– Зря ты таким виршам народ обучил, – недовольно буркнул Улан, едва они оказались в своей избе и, не удержавшись, съязвил: – Вот не знал, что в тебе могучий поэтический дар дремлет.

– Ее мой отец под нос целыми днями мурлыкал, когда в очередной раз в командировку на юга собирался, – мрачно пояснил Петр. – Поневоле запомнилось. По сути, у меня в память о нем, не считая фотографий, одна эта песня да орден Мужества и остались. Кстати, самое первое изменение в нее не я, а он внес, слово «фашистской» на более актуальное заменил.

– Все равно зря, – заупрямился Улан. – И рано. Ее ж, месяца не пройдет, вся Тверь петь станет. Представляешь, что будет, когда ее текст до Орды дойдет и хан Узбек пожелает лично с автором встретиться?

– Да пошел он, поц драный, на толстое тверское полено! – возмутился Петр. Однако, не встретив возражений, сменил тон и, в очередной раз обматерив золотоордынского хана, а попутно и Юрия вместе с его братцем Калитой, более спокойно поинтересовался:

– А ты чего старосте про князя ничего не сказал? Или больше о Михаиле Ярославиче не помнишь?

– Народ расстраивать не захотел, – нехотя ответил Улан. – Какое там великое княжение. Ему вообще до конца следующего года не дожить, убьют в Орде по ханскому приговору.

– За что? – изумился Сангре.

– Вроде за утаивание дани, – потер переносицу Улан, – и за что-то еще, но я, честно говоря, запамятовал. Знаешь, как бывает: вертится на уме, а ухватить не получается... Да и неважно, в конце концов, за что именно. Тут главное сам факт. Потому я и говорю, что нам предпочтительнее ехать в Москву. – Сангре открыл было рот, желая возразить, но был остановлен. – Ты пойми главное: не московскому князю пойдем помогать, а Руси в целом, – и Улан коварно прищурился. – И потом тебе самому разве не интересно поглядеть на легендарную личность?

– Разве только посмотреть, – мрачно отозвался Петр. – Нет, расклад-то у тебя вроде правильный, все логично, не придерешься, – похвалил он друга, – но тошнит мой чувствительный организм с такого расчета. В то время когда весь угнетённый русский народ стонет от продажной политики московских князьков-коррупционеров, по дешевке уступивших Русь Орде ради того, чтоб хапнуть верховную власть в свои загребушие лапы, мы с тобой... – не договорив, он махнул рукой и подытожил: – Уж больно оно... несправедливо получается.

Улан вздрогнул. В детстве ему частенько приходилось держать ответ за проделки своих сводных братьев. С тех самых пор он и полюбил справедливость, вознамерившись посвятить жизнь ее защите. И до сих пор это слово, равно как и противоположное, действовало на Улана, как на обычного мальчишку задиристое «Слабб?!». Он с упреком посмотрел на Сангре, знавшего, в какую точку бить, и сейчас воспользовавшегося этим:

– Зря ты так насчет... справедливости, – не удержался он от упрека.

Но Петр взгляда в сторону не уводил, а продолжал смотреть как смотрел, давая понять, что сорвалось это слово с его губ не случайно и он собирается отстаивать свою точку зрения до победного конца.

– Не зря, – упрямо произнес он. – Мне баба Фая полтора десятка лет назад насчет дурных компаний весьма мудро сказала: «Из грязной воды еще никто чистым не вышел». Вот так, старина. Мы с тобой сколько вместе прошли и пережили и при этом чистыми остались, так неужто сейчас по доброй воле согласимся извазюкаться.

Видя эдакую непреклонность, Улан предложил последний вариант, при котором у него еще имелся шанс:

– Тогда давай бросим жребий, чтоб по-честному.

Петр дал добро не сразу. Он критически оглядел комнату, задумчиво выбил на столе звонкую дробь и вдруг, спохватившись, просиял и с легким вызовом в голосе дал свое согласие:

– И правда, пусть судьба подскажет, – с этими словами он извлек из кармана камуфляжных брюк, одетых по случаю участия в проводах мужиков, хорошо знакомую Улану карточную колоду в пластмассовом футляре и предложил: – Давай по простому: я достаю три карты. Если две из них красные – едем в Тверь.

– А если черные?

– Будет так, как ты скажешь.

– Идет, – кивнул Улан.

– Зря ты согласился, – прокомментировал Сангре, неспешно тасуя колоду. – Уверен, мне подфартит. Судьба, она, знаешь ли, тоже иуд не любит, сколько раз убеждался. Кроме того, ты ж помнишь – это особая колода, и эти карты всегда выдают точные советы, – с этими словами он вытащил бубновый червонец, прокомментировав: – Помимо того, что красный, он вдобавок сулит нам успех в финансах.

Петр и далее выкладывал карты столь же уверенно и, даже вытащив две остальные, тоже красной масти, не остановился, а с торжествующей улыбкой на лице вытянул четвертую, прокомментировав:

– Все четыре окрашены в цвета пролетарского знамени. И обрати внимание, как шикарно все сходится. Червонная девятка сулит прибыльную работу, а бубновая девятка в сочетании с червонным вальтом – избежание неприятного путешествия, – и он ехидно промурлыкал кусочек из песни Розенбаума: – Так что, старый, извини, не поеду с тобой в Москву. Слишком много там толкотни, да и мне, впрочем, ни к чему.

– Убедительно, – нехотя согласился Улан. – Ладно, считай, с маршрутом определились. Теперь с биографиями. Надо бы их еще раз продумать как следует. То, что ты в Липневке наплел, поверь, не годится. Я, конечно, помалкивал, поскольку ты изложил это местным еще до того, как я пришел в сознание, но версию надо менять.

– А чего тебе не нравится-то? – слегка обиделся Сангре. – Вполне прилично звучит. Из дальней сибирской деревни, потому и говор малость не того.

– Да нет в Сибири русских деревень. Кстати, чего ты ее Тарасовкой окрестил?

– В честь деда. Его родной город в Испании назывался Тарраса, – пояснил Петр. – А касаясь русских деревень ты правильно сказал – теперь нет, ибо у нас все как в песне: враги сожгли родные хаты и завалили всю семью. Ну а мы с тобой чудом уцелели и решили перебраться куда-нибудь поближе.

– Касаясь русских родных хат, – Улан, оглянувшись, отыскал взглядом деревянную бадейку с водой и ткнул в ее сторону пальцем. – Вон, загляни-ка туда и сам все поймешь. Про себя я вообще молчу.

– Подумаешь, – протянул Сангре. – Мало ли сколько и какой крови в нас намешано, да и ни при чем она. Я тебе сколько раз говорил, что русский – это судьба, а все остальное – ерунда, потому национальность даже в паспортах писать перестали.

– Бить не по паспортам станут, а по розам, – хмуро возразил Улан. – По татарским и иным горбоносым чернявым розам.

– Да за что бить-то?! – возмутился Петр.

– Раз маскируемся под русских, значит, лазутчики, – невозмутимо ответил Улан. – На кого я работаю – понятно без слов, а ты... Ну-у, пару часов на дыбе повисишь, сам придумаешь и расскажешь. В подробностях. Кстати, если б одна внешность не соответствовала – куда ни шло, а у нас с тобой и еще кое-что добавляется.

– Что именно?

– Знания, – коротко ответил Улан. – С одной стороны, они у нас на удивление обширные, а с другой – мы не разбираемся в самом элементарном. И еще один недостаток у твоей версии. Ну какой же князь заинтересуется обычными крестьянами, пускай и издалека? Эка невидаль. Надо сплести так, чтоб изначально подать себя в самом выгодном свете. Кстати, на твоём месте

я бы обязательно выставил вперед своего испанского деда и его благородное происхождение – иноземцев на Руси всегда жаловали. Ну и крест свой не православный заодно обыграешь, хотя лучше бы его вообще на время снять.

– Мамину память?! – чуть не задохнулся от возмущения Сангре. – Только вместе с головой!

– Не волнуйся – если что, они с нас обоих слетят, – буркнул Улан, но настаивать на своем предложении не стал, а вместо этого несколько смущенно поинтересовался о продуктах. Мол, им в Твери первое время и есть, и спать где-то надо, так что деньги обязательно понадобятся, а единственное, что они смогут продать, это продукты из рюкзаков.

Сангре виновато развел руками.

– Увы, хотя я и быстро спохватился, но наши кладовые успели практически опустеть. Защечные мешки и закрома родины тоже. Остался лишь чай, вовремя заныканная мною пачка рафинада и практически нетронутый здоровенный пакет кофе в зернах. Ах да, еще две пачки соли и... все.

– Жаль, – вздохнул Улан. – Хотя нам в любом случае пришлось бы о заготовках позаботиться. А вот что соль осталась – здорово. Тогда мы не только сухарей в дорогу засушим, но и мяса навялим. Авось на первое время хватит.

Глава 7. Подготовка к отъезду

Намеченную программу они выполнили от и до, в подробностях подготовив окончательную легенду, получившую вид авантюрного боевика. Начало ему положили злобные мавры, в результате набега на земли королевства Арагон захватившие в полон в числе прочих шестилетнего ребенка и продавшие его в рабство. За долгие годы, проведенные на невольничьей галере в составе сарацинского флота, Сангре познакомился с Уланом и двумя славянскими невольниками, которые и научили их русскому языку. Ну а дальше был побег сдружившегося квартета, произошедший где-то в районе Индии.

Славяне же и уговорили Сангре пробираться в Испанию через Русь, а Улану, по сути, было все равно, поскольку они стали к тому времени с Петром побратимами. Но так как беглых рабов долго и старательно искали, перекрыв пути, ведущие на север, им поначалу пришлось идти в противоположную сторону, то есть на юг. И потянулись их долгие скитания по всему миру, включая даже недолгий вояж на Антарктиду.

Отчего они не подались к себе на родину, оставшись на Руси, да и сейчас не собираются в Европу, думали и гадали долго, пока Сангре не предложил:

– А давай правду, в смысле частичную. Ну-у, я про нераздоенное вымя. Мол, нам один купчина (мы с ним во время странствий повстречались) рассказал про Урал и сколько там всего в земле лежит, заявив, что Русь – жутко перспективная страна, где любой умный человек может запросто стать миллионером.

На том и порешили. А касаясь остальных приключений заморачиваться не стали. Ни к чему. Учитывая нынешнюю дремучесть населения, включая даже князей, можно врать сколько угодно, главное, чтоб звучало завлекательно, а потому Сангре пообещал в случае необходимости взять всё на себя.

Приготовили они и набор наиболее завлекательных и выгодных предложений для князя, куда включили розыск месторождений железной и медной руды на Урале, создание охотничьих артелей по добыче пушнины, изготовление бумаги и книгопечатание.

Словом, все готово и можно было хоть сейчас отправляться в Тверь, но осторожный Улан настоял на выезде туда после сражения между Москвой и Тверью, а то мало ли на кого напорешься по дороге. Да и князю Михаилу, пока война не закончилась, тоже будет не до их предложений, как бы выгодно они ни звучали. А узнают они о том, что битва состоялась, от вернувшихся в деревню мужиков...

Однако время шло, а никто не возвращался. Нетерпеливый Петр выдвинул догадку, что битва давно прошла, а никто не вернулся потому, что все погибли, следовательно, все равно пора выдвигаться в путь. Однако Улан всякий раз осаживал друга, напоминая о том, что тогда через их деревню, возвращаясь в свои края, прошел бы хоть кто-то из чужих, а их тоже не было.

Получалось, князя медлят со сражением. Почему? Поди пойми.

От нечего делать друзья решили слегка усовершенствовать свое боевое мастерство, точнее, как самокритично заявил Улан, сдвинуть его с нулевого уровня, особенно касаясь лошадок. По счастью, Улан до армии успел поработать инструктором в школе верховой езды, и Петр под его руководством через пару недель неплохо освоился, хотя конные прогулки не особо пришлись ему по душе.

– И как местные вояки день-деньской в седлах проводят? – всякий раз удивлялся он, с трудом сползая с коня и старательно растирая ноющие мышцы бедер. – Тут всего пару часов на нем поездишь и полдня потом враскорячку ходить приходится.

Попытка перейти к упражнениям с саблями, точнее, с заготовками для будущих кос, валявшихся в кузнице Горыни, оказалась неудачной. Чтобы убедиться в этом им хватило одного часа. Итог занятию подвел Улан.

– Если б у нас имелся учитель – одно. Тогда и с этим, – он кивнул на неуклюжие железные полосы, – какие-то приемы бы освоили, а так не вижу смысла. Посему давай-ка лучше займемся тем, что умеем.

И их последующие тренировки заключались исключительно в рукопашке, в метании ножей, да еще... в работе с нунчаками. И ножи, и нунчаки, как горделиво заметил Петр, он изготовил самолично. Улан с подозрением покосился на друга и тот, засмутившись, слегка поправился.

– Ну и Горыня, конечно, немного поучаствовал.

– Понятно, – вздохнул Улан и, со скептическим видом осмотрев их, попробовал в деле. Через минуту вынес вердикт: – С точки зрения эстетики, не ахти, но как боевое оружие и то, и другое – вполне. И баланс у ножей хороший. Чувствуется, что ты Горыней руководил.

Время для занятий они отвели до обеда, после чего Улан уходил в лес на проверку представленных Заряницей лесных ловушек. Возвращался он обычно ближе к вечеру и частенько с добычей.

Ну а когда Заряница, накормив друзей ужином, уходила к себе в избу, наступало время для тайной работы – установки оптики на карабин. На этом настоял Сангре, заявивший, что никому не ведомо, как у них все сложится в дальнейшем и когда им понадобится полностью оборудованный СКС, а посему...

Он же заявил, что самолично займется изготовлением инструментов, в смысле отверток, без коих прикрепить к ложу СКС кронштейн нечего было и думать. Заодно откует и петли для футляра карабина. Сам футляр Улан к этому времени почти закончил вырезать из липового ствола, ухлопав на это добрый десяток вечеров.

От помощи друга Петр почему-то отказался. Поначалу тот не придавал этому значения, но когда Сангре завел какой-то разговор с Заряницей, поминутно оглядываясь по сторонам, и резко оборвал его, увидев Улана, тот заподозрил неладное. Заслышав раздающиеся из кузни звонкие веселые удары молота, он незаметно подкрался к двери, осторожно заглянул внутрь, и ему тут же стал понятен отказ Петра от помощи. Все дело было в уязвленном самолюбии, поскольку в роли кузнеца выступала Заряница, а в роли подмастерья – раскрасневшийся Сангре, на удивление послушно выполнявший все распоряжения юной кузничихи. Полюбовавшись пару минут необычным зрелищем, Буланов хмыкнул и чуть ли не на цыпочках удалился обратно в избу.

Изготовленные Заряницей петли подошли к футляру как нельзя лучше, да и отвертки оказались хоть и неказистыми на вид, но вполне приемлемыми для работы, и вскоре оптику надежно прикрепили к карабину.

Пристрелку Улан взял на себя и хотя, старательно экономя, израсходовал всего три патрона, деревенский народец до самого вечера дивился, обсуждая громовые раскаты в лесу. Унимать тревожные разговоры, что гроза в такое время – явно не к добру, Сангре пришлось чуть ли не весь следующий день. И это еще по-божески. У любого другого ушло бы несколько суток, а то и неделя, но улыбчивый жгучий брюнет успел здорово полюбоваться местным. Правда, из его речей они понимали хорошо если четверть, и разумеется, в эти двадцать пять процентов не входило ничегошеньки из одесских перлов, по-прежнему щедро рассыпаемых Петром. Однако на вопрос Улана, не надоело ли заниматься напрасной говорильней и может стоит вместо этого перейти на более лаконичную и понятную всем речь, Сангре лишь отмахнулся.

– Тю на тебя. Слов народ, конечно, не понимает, зато эмоции мои чувствует хорошо. Они-то и срабатывают, когда я что-то рассказываю или в чем-то убеждаю. Ну а одесские хохмы – нечто вроде усилителя этих эмоций. И если я буду говорить проще, без их употребления, получится гораздо хуже. Они тогда поймут почти все, что я им говорю, но зато перестанут верить и соглашаться со мной. И оно тебе надо? – и после недолгой паузы добавил: – К тому же

я тем самым поддерживаю свою квалификацию, а то представь, появлюсь в Одессе, а говорить буду як обычный мужичок из-под Рио-де-Житомира или Барнаула-Айреса. Это ж позор какой!

Улан открыл было рот, желая осведомиться, насколько его другу верится в то, что он вновь окажется в Одессе, но, посмотрев на набычившегося Петра, внезапно расхотел интересоваться. И без того понятно, что сильно. Даже очень сильно.

Заряница, ставшая для Улана наставником по установке лесных ловушек, оказалась талантливым педагогом. Во всяком случае, Улан понимал ее объяснения с первого раза – и как правильно устанавливать самострел на тропе, и как ставить капкан, и как маскировать ловчую яму. Слушал он ее уважительно, презрительных намеков на ее бабский пол себе не позволял и невозмутимо принимал ее старшинство в тех делах, где он по неопытности мало смыслил. Девушке такая почтительность и послушание чертовски льстили, и она не жалела времени, толкувая ему разные премудрости и величая всегда по имени-отчеству. Правда, трудное словцо «Тамерланович» у нее выговорить никак не получалось, и Улан, недолго думая, заменил его на Тимофеевича. Ему все равно, а ей проще.

Вначале Сангре поглядывал на их воркование с улыбкой, но затем предупредил друга:

– Слушай, уставший пилигрим тверских лесов и болот. Если ты решил бросить в ее стопону якорь страсти и отдохнуть с нею активной частью тела, то не советую. И вообще, как говорил классик, чем меньше девушек мы любим, тем больше времени на сон.

Улан, отчего-то засмущавшийся, принялся торопливо оправдываться, что у него с Заряницей ничего такого нет и вообще он всегда предпочитал более стройных, но Сангре с кривой усмешкой перебил:

– Это ты ее брату толковать станешь, когда он вернется.

– Почему... брату?

– А вдруг она, неправильно тебя поняв, ему о твоих поползновениях расскажет. И тогда, поверь на слово, он первым делом примется рассказывать тебе о порядке сговора, помолвки и сватовства – что за чем идет и так далее.

– Зачем? – оторопел Улан.

– А затем, что они хоть и без родителей живут, но он ей вместо отца и для сестрицы своей ничего не пожалеет, дабы как у людей все было, – поучительно пояснил Петр.

– То-то ты к ней давно на пушечный выстрел не подходишь, – хмыкнул Улан.

– Ну да, – невозмутимо согласился Сангре и почему-то потрогал правую скулу. – Я весь свадебный порядок хорошо изучил и лекцию про него прослушал. Правда, Заряница ни при чем. Ему самому показалось нечто такое, вот он и прояснил обстановку.

– У кого на что стоит, тот о том и говорит. Сдается, помимо лекции у тебя и практическое занятие было, – и Улан с улыбкой кивнул на скулу. – Припоминаю, какой фингал у тебя на ней красовался. Правильно я не поверил, когда ты мне сказал, будто с лестницы упал.

– Так ты решил, будто меня кузнец отоварил? – догадался Петр. – Зря. Я действительно с лестницы слетел. Ну, извини, забыл добавить, что чуть повыше меня на ней Заряница стояла и ногой неудачно взбрыкнула. А нога у нее... – и он вздохнул. – Потому и советую по-дружески: уединение в лесу, конечно, благоприятствует неким процессам, но с попытками приласкать будь поосторожнее.

– И в мыслях не держал, – заверил Улан. – К тому же я завтра перехожу на самостоятельную работу. Заряница сказала, что лес я в округе изучил хорошо, охотничьи премудрости освоил и она за меня спокойна.

Глава 8. Оригинальная благодарность...

Две волны всадников одна за другой на рысях летели по заснеженному полю. Первая, гораздо меньшая, убегала после сокрушительного разгрома в недавней битве; вторая, состоящая из победителей и куда большая числом, настигала их. И настигла бы, если б один из беглецов, скачущий стремя в стремя с рыжеволосым красавцем, не крикнул ему на ходу:

– Всем не уйти, Юрий Данилыч. Заслон надо оставить.

– Вот и оставляй! – огрызнулся красавец.

Всадник помрачнел, но послушался и приказ исполнил – развернул часть малой дружины московского князя, схлестнувшись с преследователями. Сшибка была яростной, но с предре-
шенным исходом – слишком мало было у него воинов. Однако главное они выполнили – пода-
рили своему князю драгоценные минуты, чтобы тот смог оторваться от погони.

Правда, отрыв получился небольшим. И спустя час по повелению Юрия Даниловича дру-
гой его боярин по прозвищу Шигоня, вновь ополовинив остатки дружины, ринулся на юг, в
сторону Москвы, увлекая за собой тверских ратников. Меж тем оставшиеся два с небольшим
десятка во главе с самим князем, свернув в заснеженный лес, продолжили путь на запад, в
сторону Ржева.

Выезжать на какую-либо дорогу было опасно – можно нарваться на разъезды, предназна-
ченные для перехвата беглецов, ибо тверской князь Михаил Ярославич предусмотрителен. Да
и поди-сыщи их под снегом, эти дороги. Пришлось петлять по лесу.

Затемно остановились на ночлег. Костёр поначалу решили не разводить, но через час
Юрий Данилович решил переиначить:

– Разжигай.

– Ежели бы в ельнике стояли – одно, а в сосновом бору огонь далеко видать, приметить
могут, – несмело возразил ему один из спутников. – Береженого бог бережет, а не береженого
лихо стережет, княже.

– На всякий час не обережешься, – огрызнулся рыжий. – А без костра нас и примечать
не надобно – сами к утру замерзнем, – и он, упрямо мотнув тускло-рыжими кудрями, давно от
пота и мороза слипшимися в противные сосульки, повторил: – Разжигай.

Хворост собрали быстро – лес был старый, валежника хватало. Вскоре пламя запылало
вовсю. Сгорающие ветки жалобно потрескивали, плача смолистыми слезами. Все сгрудилось
подле костра, протянув к огню озябшие руки. Но ни тени улыбки не скользнуло ни по одному
из усталых лиц. На каждом словно лежала печать мрака, сгустившегося подле них.

Да оно и понятно – чему улыбаться-то? Это поутру все выглядело прекрасно. Изрядная
рать, да вдобавок татарский тумен. Разве одолеть эдакую силищу тверскому князю с его сиво-
лапым мужичьем? Оказывается, одолел. И теперь оставалось одно – бежать куда глаза глядят,
бросив скарб, оставленный в шатрах, и даже забыв впопыхах про молодую жену Кончаку, в
крещении Агафью – родную сестру золотоордынского хана Узбека.

На одно ума хватило – не припуститься обратно, в стольный град Москву. На дорогах,
ведущих к ней, ему б точно не сносить головы – там его ждали в первую очередь. Ну а коль
нельзя на юг, остается искать спасения на севере, у господина Великого Новгорода, благо он
пока еще их князь. Да и подаренного в качестве свадебного подарка ханом Узбеком титула
великого Владимирского князя тоже никто его не лишал.

Вспомнив про Узбека, Юрий Данилович поморщился. Нехорошо с женкой получилось.
И хан-шурин навряд ли смолчит, узнав о брошенной в шатре Кончаке, да и народец насмешни-
чать станет. Опасливым взглядом скользнул по спутникам. Нет, вроде ухмылок не приметно.
Да и не до того им ныне, другим мысли заняты – выжить, пробраться к Новгороду.

Он успокоился. Правда, оставался ханский гнев. Но то нескоро, до него дожить надо. Да и как знать, еще поглядим, на чью голову он обрушится – тут ведь многое зависит от того, как подать случившееся, как рассказать о нем.

Спали худо – к утру изрядно подморозило, и едва рассвело, дружно повскакивали, торопясь дальше. Хорошо, снегопада не было. Поглядели на след, кой оставили с вечера, и принялись дальше торить дорогу. И вновь незадача. До полудня-то изрядно отмахали, да и на север повернули, как и хотелось, но дальше напрямки не получалось – болото на пути встало. Вброд его одолеть нечего и пытаться. Эвон какие черные полыньи повсюду. Покамест спит здешний хозяин – вон как ровно парок смердящий клубится, но поди залезь, разбуди его и увидишь, что станется. Каждый сердает, когда его неожиданно-негаданно будят, а у болотняника и без того нрав злобный. Того и гляди ухнешься с головой в черную зловонную жижу и поминай как звали.

Пошли в обход, да владения болотного хозяина длиннющими оказались, а стоило их обогнуть, как чуть погодя на пути выросла новая буча. А погоню пусть и не видать, но чуяли – никуда она не делась, идет по пятам.

Брели долго. Кони последний овес из торб дохрумки, да и у самих еда почти кончилась. А главное, заплутали окончательно. С этими петлями все перепуталось и поди пойми, где ныне полунощная сторона? Как назло небо после метели не прояснилось, оставаясь затянутым тучами – ну-ка, угадай, с какой стороны солнышко. Пытались по мху определиться, но бор старый, деревья вековые, со всех сторон им затянуты. Делать нечего: встали и принялись гадать, куда податься.

– Что, зацепились за пенек и простояли весь денек? – зло гаркнул нетерпеливый Юрий Данилович. – А я так скажу, удалой долго не думает.

– Всякое решение любит рассуждение, – осторожно заметил один из спутников.

– А кто думает три дни, выберет злыдни, – запальчиво отмахнулся московский князь. – Раздумье токмо на грех наводит. Сколь ни кумекай, а быть тому, что на небесах начертано. Посему едем... – он поднял руку, на миг замешкался, но в следующую секунду твердо указал вправо: – Туда, други мои верные.

Ехали недолго – снова болото. Никак в заколдованное царство болотняников угодили, иначе откуда бы их столько на пути оказалось.

– А ныне в какую сторону подадимся? – сумрачно спросил боярин Мина.

– Туда, – неуверенно указал Юрий Данилович влево...

Но ему вновь свезло: вдали показался какой-то несуразно одетый высокий мужик. Пригляделись и вовсе диву дались: татарин. Откуда взялся? Подъехали поближе и зоркий боярин Мина, приглядевшись, ахнул:

– Эва, да он синеглазый! – и не упустил случая польстить князю: – Не иначе как татарин сей – удача твоя, княже. Больно очи у вас цветом схожи.

Юрий самодовольно кивнул, не став отрицать, и ласково заговорил со странным встречным – надо ж расположить к себе загадочного чужака, чтоб показал нужную тропку-стежку, благо по-русски тот говорил хорошо. Правда, как-то мудрено изъяснялся, но что с басурманина взять, нехристь – он и есть нехристь. Одно имечко чего стоит – Улан. Хотел князь для вящей значимости поведать про себя, но вовремя спохватился – все-таки на чужой земле. Кто знает, как поведет себя этот Улан, узнав, что разговаривает с заклятым врагом своего князя – лучше не рисковать. И, подытоживая разговор, Юрий сказал:

– Ну, будешь у меня в Новгороде Великом, милости прошу в гости. Токмо мне дотуда добраться надобно, а я чуток заплутал. Не покажешь, куда путь держать, чтоб на Торжок выйти?

Татарин показал. Оказалось, очень просто. Надо болото справа обогнуть, а как кончится – прямо и прямо.

– Ну в точности, как я сам обсказал, – взбодрившись, весело крикнул князь. Спутники, хорошо помнившие, что он предложил податься влево, деликатно промолчали. – Лови перстень мой, дарю, заслужил. А с нами не желаешь?

Улан, ловко поймавший золотой перстень с вделанным в него крупным синим камнем, в ответ молча развел руками, давая понять, что не желает.

– Ну-у, как себе знаешь, – чуточку разочарованно протянул Юрий Данилович. – Тогда прощай, – и тронул коня, но, проехав два десятка сажений, повернулся к боярину Мине. – Нам путь чрез болота указал – добро. Но ведь он и тверичам его может подсказать, – негромко произнес он. – Да и про того, кто по нему совсем недавно ускакал, тож не смолчит.

– Пояснить ему, чтоб язык за зубами держал?

– Токмо как следует растолкуй, чтоб ежели и захотел чего кому поведать, ан не смог бы, – особо выделил он последние слова и посоветовал: – И не спеши. Ни к чему остальным об нашем расчете с ним ведать. Отъедем чуток, тогда и...

Мина оторопел. Хотел возразить, но, глянув в сузившиеся светло-голубые, подернутые ледком равнодушия глаза князя, перечить раздумал и согласно кивнул. Но сам к татарину не поехал. И без того на нем грехов, как на барбоске блох, ни к чему лишний добавлять. Да и не по чину ему. Пущай лучше...

Он оглянулся на своих людей, прикидывая, кого оставить. Гадал недолго – выбрал Звана с Варуном. Оба лихие, из таковских, кто колебаться не станет, ибо и руки по локоть в крови, и сами в ней по маковку. В сабельном бою, правда, не из лучших, но ведь двое супротив одного, к тому ж конные против пешего. Наказав, чтоб не удумали оставлять тело на виду, но притопили его в болоте, Мина велел поторапливаться, а сам устремился вслед за остальными.

Но дальнейшие события пошли не совсем так, как предполагал боярин. Началось с того, что татарин заподозрил недоброе. Молодцы-то особо не таились, загодя сабельки извлекли. Тут и дурень догадается, для чего остались ратники. Да вдобавок им порезвиться захотелось, в догонялки поиграть.

Правда, игра худой оказалась. Оказывается, у басурманина яма имелась неподалеку, на крупного зверя вырытая. В нее-то нехристь и заманил Варуна, успев отскочить в самый последний миг. Хорошо, тому свезло и острые колья достались лошади.

– Ах ты ж поганец! – возмутился Зван и, озабоченно оглянувшись в сторону уехавшего небольшого отряда, решил поскорее закончить дело.

Увы, не вышло. Вертким Улан оказался. Однова пригнулся, вдругорядь от сабельки отпрянул, а в третий раз под коня исхитрился поднырнуть. И нет, чтоб как заяц стрекача задать, когда с другой стороны вылез, а он сам на дружинника напрыгнул, с лошади его свалив. Мало того, он, изловчась, столь лихо рубанул Звана по шее ребром ладони, что тот остался лежать без чувств.

Но и сейчас Улан убежать не спешил, бросился со всех ног к Варуну, к тому времени выбравшемуся из ямы. Тот едва успел встать на ноги и выпрямиться во весь рост, как глаза от изумления выпучил – в прыжке, да ногами вперед его еще никто никогда не атаковал. Удивленным он и свалился обратно в яму, напоровшись аккуратно на кол, что оставался свободным. Так и помер он с изумленно вытаращенными глазами. Поглядев сверху вниз на умершего, Улан поморщился и направился к лежащему на снегу.

– Эх, наручники бы сюда, – со вздохом сожаления протянул он, задумчиво разглядывая незадачливого воина, и принялся связывать его тем, что имелось в наличии, то бишь обычной веревкой. – Вот так, – удовлетворенно кивнул он и, с усмешкой глядя на дружинника, произнес вовсе непонятное для того: – Вы имеете право хранить молчание, а также на один телефонный звонок и на адвоката.

– Чего-о! – вытаращил глаза очнувшийся Зван.

– Того-о, – передразнил его Улан и, легонько пнув в бок носком лаптя, рявкнул: – Хватит разлеживаться! Пора в деревню, а то засветло не успеем. Давай вставай, а за жизнь и за дела наши скорбные, как говорит мой друг, по дороге покалякаем...

Глава 9. Двое дерутся – третий не встречай...

«И дернул же меня чёрт напоследок пойти проверить ловушки. Мяса в дорогу закоптить захотелось, мало, видишь ли, показалось», – вздохнул Улан, глядя на плетущегося чуть впереди и то и дело спотыкающегося пленника.

Учитывая то, что рассказал московский дружинник, дальнейшие перспективы для друзей и впрямь получались безрадостные...

Засветло он со Званом вернуться в деревню не успел. А может оно и хорошо, поскольку ввиду позднего времени на околице, за исключением весело переговаривавшихся между собой Петра и Заряницы, никого не было.

– Мать честная! – ахнул Сангре, завидев едущего на коне побратима и уныло бредущего перед ним связанного пленника. – Ну как чувствовал, что рано тебя одного в лес отпускать. Это где ж ты такого двуногого сохатого раздобыл? – Улан виновато поморщился. – Та-ак, судя по полному отсутствию боевого ликования на лице воина-победителя, сдается, сюжет фильма закручен значительно тоньше, чем мне, бестолковому, показалось поначалу.

Улан сконфуженно развел руками:

– Так получилось. Понимаешь, я...

– Стоп, – остановил его Петр. – Вначале отведем этого гаврика на конюшню, да и лошадку в стойло поставим, а тогда ты мне все подробненько и обстоятельно изложишь, лады? Хотя духовной пищей мой желудок усладишь, а то из телесной, по твоей милости, кроме пустого супчика вприкуску с черствыми сухарями, у нас ничего нет, – и он, повернувшись к Зарянице, попросил: – Слушай, ты нам сегодня печку не поможешь затопить, а? – и ободрил ее: – Да ты не бойся, всё расскажем, ничего не утаим.

Заряница, нахмурившись, кивнула, но побрела в избу с видимой неохотой. Сангре терпеливо дождался, пока она закроет за собой дверь и, бесцеремонно ухватив пленника за шиворот, потащил его, как он сострил, в пустующее стойло. По пути он продолжал шутить, вслух прикидывая, кто на ком поедет, когда они подадутся на заработки. Улыбка пропала с его лица, едва они вышли обратно во двор.

– Ну а теперь излагай, где ты надыбал этого орла и на кой чёрт он нам сдался? – осведомился он у Улана, остановив его на пороге и не дав войти в избу.

– Это не орел, – уныло покачал тот головой. – Это... дружинник московского князя Юрия Даниловича.

– О как! – изумился Петр. – Ну-ну, обертка оказалась с интригой, теперь посмотрим за начинку. Продолжай, продолжай.

Улан замялся, вздохнул и виновато развел руками:

– Я, наверное, и впрямь погорячился. Понимаешь, обидно стало: я дорогу показал, а они...

– Стоп, – остановил его Петр. – Сделай вдох, за ним глубокий выдох, и приступай с самого начала.

Улан кивнул и послушно начал свой рассказ:

– Мне последнюю ловушку проверить осталось, ну, там, куда лоси забредают осиновою корой полакомиться. Заряница советовала посмотреть, вдруг какой-нибудь угодил.

С каждой секундой Петр все больше мрачнел, а когда услышал, что его друг показал московскому князю обходную дорогу мимо местных болот, не смог сдержаться и горестно охнул:

– Издрасьте вам через окно, где вы сохните бельё... Нет, ну ты окончательно охренел, сарацинская твоя душа!

– Буддист я, – машинально поправил Улан.

– Не-ет, Уланчик, – вкрадчиво протянул Петр. – На этот раз ты все перепутал и решил, согласно евангелию, поступить как христианин, то бишь помочь ближнему. И национальность твоя – добрый самаритянин. М-да-а, сдается, что очередной изгиб судьбы снова вышел не в нашу пользу. Слушай, а может ты специально, чтоб мы в Тверь не могли попасть? – с подозрением уставился он на друга, но тот столь старательно замотал головой, что сомнения Сангре бесследно улетучились. – Хотя какая разница, специально или нет, – грустно продолжил он. – Главное – факт. А он таков, что если в Твери узнают, сколь усердно ты поработал на Юрия Данилыча в качестве проводника, дав ему улизнуть, то...

Петр задумался. Улан терпелив подождал продолжения, но не выдержав, переспросил:

– То что?

Сангре встрепенулся, очнувшись от тяжких дум, и мрачно ответил:

– Да ни хрена хорошего. Ты ж и гаммы одной прочесть не успеешь, как тебе все чакры наизнанку повыворачивают...

– Не гаммы, а дхаммы¹⁰, – уныло поправил товарища Улан. – Ну-у, получилось так. Нечаянно я. Каюсь, маху дал.

– Маху, – скорбно подтвердил Петр. – Да еще с каким размахом! А за нечаянно, между прочим, бьют отчаянно. И бить станут не тебя одного. Мне само собой достанется, но и всей деревне, боюсь, несдобровать. Тверичи разбираться не станут, и я их хорошо понимаю. На их месте я бы тебя нашинковал мельче капусты.

– Я ж не понял, что этот рыжий на самом деле князь, – поморщился Улан. – У него разве кольчуга чуть покрасивее была, а одежда такая же замызганная, как и у остальных. Потом, конечно, сообразил, но... Да откуда и кто узнает-то?

– Как откуда? Вот этот козел, что сейчас у нас на конюшне пребывает, и расскажет. Кстати, он-то каким боком здесь оказался? Князь подарил?

– Если это можно назвать подарком, – грустно улыбнулся Улан. – Там и еще один был, но я его...

Выслушав друга до конца, Сангре прокомментировал:

– Если имя тебе Юра, ты – садистская натура. Но нет худа без добра. Одного ты уже приговорил к заслуженной каре, и остался единственный свидетель, оказавшийся в наших руках, – и он многозначительно почесал в затылке.

– Ты чего, Блад? – насторожился Улан. – Решил его...

– Да нет, – отмахнулся Сангре. – Желательно, конечно, но к превеликому сожалению, у меня напрочь отсутствуют навыки палача. Тебе тоже не предлагаю, не сможешь. Если б край приперло, либо ты, либо тебя – дело другое, а так запросто безоружного, да еще связанного человека... Может, через год-другой, когда окончательно свыкнемся с местными реалиями, сумеем бритвой по горлу и в колодец, как товарищ Доцент рекомендовал, да и то навряд ли. Воспитание – штука въедливая. Но и здесь его держать нельзя. Погоня-то по пятам идет – запросто в деревню заглянут. И что получается? – вопросительно посмотрел он на друга.

Тот неуверенно развел руками:

– Получается, надо его просто отпустить, – он вопросительно посмотрел на Петра. – Хотя и тут пятьдесят на пятьдесят. Хорошо, если ему до Новгорода удастся добраться, но ведь он может по пути и тверичам попасться, а те из него живо все вытянут. Да и отпускать его надо прямо сейчас, чтоб ни один сельчанин не увидал, а он из деревни в лес на ночь глядя ни за что не пойдет.

– Эх, нам бы Малюту Скуратова на пару часов или Чикатилу какого-нибудь! – посетовал Сангре. – Ладно, коль одни самаритяне в наличии, и впрямь придется отпустить. Притом прямо сейчас. А за то, что не пойдет, можешь не беспокоиться, побежит вприпрыжку, – заверил он

¹⁰ Название молитв в буддизме.

друга. – Ну-ка пошли обратно, – а по пути на конюшню напомнил другу. – В двух словах: мы – людоеды. С тебя обычный подыгрыш.

Едва они вошли вовнутрь, Петр скорчил недовольную гримасу и суровым тоном обратился к Улану:

– Хреновая дичь. Лось и здоровее, и вкуснее намного.

– Отпустили бы, – подал голос пленник. – За меня князь хорошую деньгу заплатит. А ежели убьете, он все ваши развалюхи велит по бревнышку разметать.

Сангре недобро прищурился и, вплотную подойдя к дружиннику, сурово заметил:

– А ты, дружок помолчал бы. Или не понял, к чему я сказал про лося, кой вкуснее тебя.

И куда тебя девать мы найдем, не волнуйся, – он многозначительно погладил себя по животу и плотоядно облизнулся.

– Э, э, вы чего удумали? – обеспокоился связанный.

– Звать как? – осведомился Сангре.

– Званом.

– Еще и хамит.

– Да нет, у него действительно имя такое, – заступился за пленного Улан. – А крестильное – Демьян.

– Понятно, – кивнул Петр. – Значит так. Думаю, ужин из него получится неплохой. Конечно, из медвежатины или лосятины лучше, зато этот можно назвать его именем, то бишь званным. Первое блюдо я, так и быть, беру на себя. Готовить буду демьянову уху согласно рецепта Ивана Андреевича Крылова. А второе с тебя, Уланчик. Думаю, лучше всего отбивные из него сварганить, – он деловито пощупал бедро пленника и удовлетворенно кивнул. – Ну да, на котлеты пустить – мяса маловато, и мясорубка заржавела, а на отбивные самое то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.